

Вероника Орлова

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

За зеркалами 2

Запретная страсть. Любовный роман. Эротика

Вероника Орлова
За зеркалами 2

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Орлова В.

За зеркалами 2 / В. Орлова — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Она должна была арестовать его за обвинения в жестоких убийствах, а вместо этого сама стала пленницей загадочного и влиятельного короля бездомных, связываться с которым не рискует даже полиция. Натан Дарк. Она должна ненавидеть его, а вместо этого предвкушает каждую их встречу-борьбу и ждёт её с затаённым страхом. Страхом узнать, что все это время под маской Натана Дарка скрывалось беспощадное жуткое чудовище, имеющее с ним одно на двоих лицо. В оформлении обложки использованы фотографии автора romancephotos (Jason Vasa) и фотографа AY_PHOTO с сайта depositphotos. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1. Живописец. Натан. Марк Арнольд	5
Глава 2. Марк Арнольд. Натан	10
Глава 3. Ева	16
Глава 4. Марк Арнольд. Ева	22
Глава 5. Натан. Ева	28
Глава 6. Кори. Ева. Натан	34
Глава 7. Ева. Натан	39
Глава 8. Натан	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Глава 1. Живописец. Натан. Марк Арнольд

Мужчина спал, но со стороны могло показаться, что он просто лежит на спине с закрытыми глазами, подложив обе руки под голову. Скорее всего, ему снилось что-то неприятное, что-то заставлявшее тревожно метаться под веками глаза, словно он смотрел какой-то захватывающий фильм, иногда нервно хмурясь. Если бы кто-то смотрел на него в такие моменты, то испугался бы именно этого ужасающего контраста лица мужчины и его довольно живой мимики с абсолютной неподвижностью тела. Ледящего кровь ощущения, что мужчина был одновременно и живым, и мёртвым.

Тем временем он продолжал смотреть один за другим собственные воспоминания. То единственное, от чего не смог избавиться за столько лет. Иногда он даже признавался себе в том, что с радостью заплатил бы любому, кто избавил бы его от них. Возможно, даже на пару дней. Уж он-то был уверен, что даже это кратковременное спокойствие стоило любых денег. Или же не денег. Сколько он уже заплатил за него? И куда более весомой валютой, чем никчёмные бумажки. Драгоценной валютой. Рвано выдохнул, и взгляд под дрожащими веками словно застыл. Началось то самое представление-воспоминание, которое он ненавидел и которое, видимо, именно поэтому ему и показывали чаще остальных. То, которого этот взрослый мужчина почти так же сильно боялся, как и его главный герой – мальчик Анхель.

«Мальчик провожал удивлённым взглядом паренька на пару лет постарше себя, который вышел из закутка в дальнем углу церкви и торопливым шагом прошмыгнул мимо него к выходу. Перед этим он успел толкнуть мальчика плечом, невнятно промямлив извинения, а может, и ругательства. Мальчик не разобрал слов, но тогда впервые искренне удивился, как можно быть таким неуклюжим и торопливым тут, в этом светлом месте, в котором у него у самого замирало сердце в благоговейном трепете. Замирало от количества того света, что лился сквозь разукрашенные краской окна, придавая объёмность потрясающим сценам из Библии, нанесённым талантливой кистью художника. У него захватывало дух, и сама мысль вдруг сделать глубокий вдох и тем самым разрушить эту благословенную тишину обители Божьей приводила его в ужас.

Почувствовал на плече сильную мужскую руку и нерешительно повернулся к нему. Зачем только Барри заходил в церковь, сопровождая его каждый понедельник, он не знал. Да, мальчик приходил в церковь именно по понедельникам. Правда, до недавнего времени его буквально заставляли ходить сюда приёмные родители. И он, сцепив зубы, угрюмо плёлся за ним, считая про себя шаги от дома Аткинсонов до дома Божьего. Родители не подумали о том, что, позволяя ему носить маску убогого Бэнни, развязывали руки самому Анхелю, вытворявшему совершенно грубые, на их взгляд, вещи во время мессы. Ни разговоры дома, ни скандалы, ни побои не заставили его и там превращаться в Бэнни, и вскоре Аткинсоны перестали его брать с собой в церковь по воскресеньям.

Но изъявили желание сопровождать на следующий день. Впрочем, Анхель догадывался, почему: мужчина просто боится, что он сболтнёт лишнего священнику. Тупица. Анхель давно уже перестал верить в человеческое участие. Даже если речь шла об отце Энтони. Парадоксально, но при всём при этом ему нравилось находиться тут. Начал ли он верить в Господа? Скорее, нет, чем да. Но он никогда бы не признался в этом отцу Энтони. Честно говоря, он ему безбожно лгал и был благодарен тому за то понимание, которым искрились его глаза, и за отсутствие вопросов, ответы на которые непременно застряли бы у него в горле, решишь он когда-нибудь их дать.

По правде говоря, ему нравилась сама обстановка, окружавшая его тут. Она дарила ему спокойствие. Здесь он был самим собой. Чёрт бы побрал этих чокнутых Аткинсонов, но он, наконец, ощущал себя собой, а не их сыном-идиотом Бэнни.

– Я здесь, малыш. Иди.

Барри прошептал очень тихо. Так, как шепчет всегда, провозжая его на разговор со святым отцом. Ага...это вначале мальчик думал, что приёмный отец хочет дать ему поддержку. Затем он научился слышать то, чего не слышал больше никто. Он научился различать в этих словах и наполненном показной заботой тоне предупреждение. Ещё не угрозу, нет. Потому что Анхель не позволял себе откровенности ни с кем. Не видел в ней смысла. Но был уверен: стоит ему засомневаться, стоит лишь на секунду подумать о том, чтобы обратиться в полицию, к школьному доктору или же отцу Энтони...он не хотел даже думать о том, на что способна свихнувшаяся из-за смерти сына мать и её муж, не меньший психопат, чем она сама.

– Ты пришёл снова, сын мой.

Отец Энтони прячет доброжелательную улыбку за густыми усами.

– Как всегда в этот день, – мальчик пожимает плечами, бросая украдкой взгляд на просвет между ширмой и стеной, в который видно было степенно вышагивавшего Барри с руками, заложенными за спину.

– И снова не собираешься рассказывать мне ни о чём существенном. Ты просто пришёл, так ведь?

– Я просто пришёл, – согласился, рассматривая тёмно-синюю ткань, висевшую прямо перед ним. Кажется, с прошлой недели на ней появилась новая затяжка.

– Хочешь, говорить буду я?

Спрашивает, хотя знает, что именно за этим мальчик и приходит в церковь. Потом. Говорить правду о себе он начнёт гораздо позже. А пока он шёл сюда за ощущением умиротворения, мерно разливавшимся под кожей и приятно согревавшим грудь, и за сказками об Иисусе, которые отец Энтони, правда, упорно отказывался таковыми признавать. Плевать. Мальчика тоже называли совершенно не его именем, и, обладай он на самом деле хотя бы частью всех тех способностей, которыми обладал этот самый сын Господа, Анхель никому и никогда не позволил бы убивать живого ребёнка ради воскрешения уже мёртвого. Но когда-нибудь, он был уверен, когда-нибудь он сможет отправить к любимому сыночку обоих родителей. Уж он-то точно воспользуется своей силой. Когда-нибудь он, наконец, станет свободным.

Мальчик не знал, что он снова ошибся. А мужчина, спавший на кровати, знал. Именно поэтому его глаза всё так же заметались под закрытыми веками ещё быстрее. Он знал, что совсем скоро начнутся самые страшные его воспоминания».

Я предвкушал свою встречу с Евой так, как предвкушает умирающий от жажды появление оазиса в жаркой пустыне, когда першит в горле от сухости и в кровь растрескались губы. И кажется, что всего один глоток воды способен вернуть тебе силы, всего один глоток позволит вновь почувствовать себя живым. И да, я всё чаще ощущал себя именно мёртвым вдали от неё. Как бы ни злило, как бы ни раздражало это чувство, но я с маниакальной скрупулёзностью представлял себе выражение её лица, когда я спущусь к ней. Невольно улыбнулся, думая о том, что навряд ли что бы то ни было удержит мою Еву от желания вонзиться ногтями в лицо или содрать скальп с моей головы. Впрочем, я разочаруюсь, если вместо моей гордой и, чего уж скрывать, изрядно разозлённой девочки, встречу покорную молчаливость. О, какой-какой, но покорной моя мисс Арнольд точно не является. Только в определённых обстоятельствах, при мысли о которых у меня сводило скулы от желания не просто увидеть её, но и сделать тот самый первый глоток. Покалеченными губами. Выпить до дна и смотреть, как извивается в такой же отчаянной попытке утолить собственную жажду она.

– Хочешь сказать, ты её не видел?

Томпсон стоял ко мне вполоборота, продолжая разглядывать гостиную. Остановился возле большого комода у стены.

– Я не хочу сказать. Я говорю, что я её видел в последний раз в день похорон Кевина.

Томпсон отвернулся и, слегка склонив голову, беззвучно зашевелил губами, видимо, читая корешки книг, стоявших на полке.

– Интересуешься классикой, Дарк?

– Представь себе, даже буквы знаю.

– Вот как?

– Выучился, читая ориентировки на себя на фонарных столбах. А ты у нас устроился в фонд помощи безграмотным бездомным?

– Ну, судя по всему, – он обвёл рукой комнату, – не такой уж ты и бездомный. Родственничек помог приобрести жильё? Или со своих бродяг дань собрал?

– Значит, я не угадал. Ты в налоговой теперь, Томпсон?

Он резко развернулся на пятках ко мне и, скривившись, раздражённо бросил:

– Не паясничай, Дарк. Я знаю, что вы с Евой встречались после похорон. В твоих же интересах не лгать.

– Я не лгу, – пожал плечами, рассматривая угрюмое загорелое лицо копа, – я, действительно, не видел Еву с того самого дня.

– Очень странно, – сказал язвительно, скорее, даже пренебрежительно, и я шагнул ему навстречу, испытывая желание заставить его проглотить язык за этот тон, – вы ведь в последнее время постоянно были вместе.

Мы навсегда теперь будем вместе, но тебе, тварь, об этом ещё слишком рано знать.

– И за кем из нас ты следишь, Томпсон?

– Я выполняю свою работу, – сложил руки на груди, – только и всего.

– А разве твоя работа не безопасность? Или просто любовь к подглядыванию?

Резко шагнул в мою сторону, у самого ноздри раздуваются в гневе, но при этом взгляд... я не могу определить, какой у него взгляд. Отклониться от его ладони, едва не схватившей меня за воротник рубашки, но продолжать смотреть в его лицо, стараясь понять, что именно смущает меня в его реакции.

– Ты охренел, придурок? Ты кем себя возомнил, делая подобные намёки?

– А ты кем себя возомнил, – подавшись вперёд, чтобы самому притянуть идиота к себе за воротник пальто, – что решил, будто я буду обсуждать с тобой её?

– Я? – Томпсон расхохотался, и я зашипел, чувствуя, что ещё немного и разукрашу наглую рожу этого идиота синяками, – я следователь, и я могу задавать тебе любые вопросы и о чём угодно, и ты, сукин сын, обязан мне ответить правду, иначе я упрячу тебя за решётку.

– Тогда не забывай, что у меня есть выбор: отвечать на твои долбанные вопросы или закопать тебя прямо здесь. Не забывай, что это ты находишься на моей территории.

Оттолкнул подонка от себя, чтобы не сорваться и не ударить:

– Я не знаю, где Ева. И мне плевать, веришь ты или нет. Но и у тебя есть выбор: смириться с этим или рискнуть заявиться сюда вновь. И тогда ты останешься тут навсегда.

– Слишком много на себя берёшь, Дарк. Слишком много для такого, как ты... что там насчёт Дэй? Арнольд не пропала бы без предупреждения. Твой братец ведь в городе, Дарк?

– При чем тут мой брат? – слыша, как взревела в висках злость. Зверем диким и неуправляемым.

– Вот я и собираюсь выяснить это, Ваше Высочество.

Он вдруг ухмыльнулся и направился к выходу из дома, напоследок обронив:

– Жди повестку, Дарк. Если я не найду твоего родственничка, то тёпленькое местечко в камере тебе гарантировано.

Её искали. Конечно, её не могли не искать. Шутка ли: пропала главный следователь. А с учётом того, что она вела нашумевшее дело Живописца, газеты просто впадали в истерику, доходя в своих предположениях о её местонахождении до абсурда. От гнусных заметок о том, что на той или иной свалке «обнаружен изуродованный труп темноволосой женщины, личность которой не установлена, но есть подозрения», до бульварных сплетен о том, что молодая следователь не выдержала давления общественности и сбежала. Причем сбежала она либо в гордом одиночестве и под крыло к богатенькому папочке, либо с обеспеченным любовником. Находились даже очевидцы, с пеной у рта доказывавшие, что видели Еву с господином определённой наружности на определённой машине.

И, чем дольше Еву не могли найти, тем более нелепые выдвигались гипотезы. Но меня они не волновали. Этим тупицам никогда не найти её, пока я не решу иначе. Даже если они додумаются появиться в катакомбах, никому из них и в голову не придёт спуститься вниз, в самый подвал, куда уходила узкая глиняная лестница в полу одной из самых дальних комнаток. О ней знал очень ограниченный круг лиц, в своё время помогавший скрыть помещение от ненужных глаз, а сейчас приставленный к Еве.

Единственное, что меня волновало – я не мог прямо сейчас, прямо сегодня или завтра увидеть её. словно сам был прикован цепью ко всей этой толпе жалких ничёмных тварей, которым по большому счёту было наплевать и на следователя, и на Живописца, но которые жаждали зрелищ, алчно собирая и разнося любую, даже самую немыслимую информацию о пропаже Евы.

А уже через пару часов после ухода полицейского я получил письмо с печатью Кристофера Дэй. И его не могло не быть, учитывая то, кем являлась Ева Арнольд. Марк Арнольд, новоизбранный сенатор, в ультимативной форме требовал разговора. Удивляло, почему тот до сих пор не встретился с Крисом. С другой стороны, отец Евы мог и не знать, что она каким-то образом связала Дэй с делом, которое ведёт. Было бы любопытно увидеть сенатора, позволившего собственной дочери окунуться во всё это дерьмо. Насколько я знал из своих источников, Арнольд был человеком твёрдым и в некоторых вопросах бескомпромиссным...какой же властью обладала над ним эта упрямая женщина? Или же, наоборот, ему было откровенно наплевать на своего ребёнка?

Марк Арнольд в очередной раз ослабил шёлковый галстук, стягивавший шею словно удавка. Судя по большому зеркалу в гостиной, тот на нём уже вовсю болтался, но мужчине казалось, что проклятая ткань продолжает душить, не позволяя дышать. Нервным движением руки стянул галстук с шеи и убрал его в карман пиджака. Дьявол...легче не стало нисколько. словно и не материя, а чьи-то пальцы продолжали сдавливать его горло. Пальцы страха. Они не просто сжимали, а просачивались сквозь кожу, и, чем больше времени проходило, тем явственнее он ощущал их давление на себе. Тёмные напольные часы неторопливо пробили полдень, и мистер Арнольд едва не застонал в бессилии. Каждый следующий час, возможно, всё больше и больше отдаляет его от родной дочери.

Марк с ненавистью кинул взгляд на закрытую дверь. Сколько он ждёт тут? Не более трёх-четырёх минут, а ему кажется, что вечность. Видит Бог, если через пару минут она не откроется, и не появится этот Дэй, он лично ворвётся в спальню к недоумку или же в любую другую комнату этого особняка и вытрясет из него всё. Впрочем, мужчина и сам не знал, что именно надеялся вытрясти из хозяина дома. Но и бездействовать не мог. Опросить. Собрать информацию и как можно больше, надеясь выудить из неё полезное. Ему удалось узнать, что Ева в

расследовании преступлений против детей вышла именно на Кристофера Дэя. Так, по крайней мере утверждал её помощник. К моменту встречи с Дэем Арнольд уже успел увидеться с директором приюта Арленсом, который показался ему достаточно честным и благородным мужчиной, а Марк привык доверять собственной интуиции. За все эти годы она ни разу его не подвела. Вот и когда Ева ему рассказала о своём желании служить в другом городе, он до последнего не хотел отпускать дочь. Не послушалась. Как всегда. Как всегда, поступила по-своему, но, чертовка, провернула это так, чтобы у отца не осталось и капли обиды на решение дочери. И какой же он глупец, что согласился тогда, не использовал всё своё влияние, только чтобы оставить её в столице. Под своим присмотром. Не смог. А сейчас не может никак привыкнуть к появившемуся страху открывать по утрам глаза. Паническому ужасу встретить новый день, в котором вдруг её не станет. Его дочери. От отчаяния сжалось сердце, и ледяные пальцы страха стиснули горло сильнее. Без неё всё попросту перестанет иметь смысл.

Мистер Арнольд нетерпеливо прошёлся по зале и остановился возле тех самых часов. Организованы поисковые службы, которые прочёсывают весь город вдоль и поперёк, включая лесополосу и дно реки... тяжёлый выдох отдался болью в грудной клетке. Что может быть страшнее неизвестности? Что может быть хуже, чем раз за разом прокручивать варианты, один страшнее другого, и не знать, где находится твой ребёнок? Сколько бы ему ни было. Арнольд остановился, положив руки на пояс и запрокинув голову назад. Он боялся, что судьба решила поквитаться с ним. Только она одна знает, что он заслуживает самого строгого, самого жестокого наказания. Но не за счёт же Евы! И сейчас он бы продал оставшиеся годы своей жизни за возможность отмотать время назад и любыми способами заставить её остаться... нет, не в тот день, когда лично отдавал приказ убить шлюху-жену и её любовника. Он не лукавил себе. Откровенно говоря, Марк Арнольд ненавидел ложь. И, будучи честным с самим собой, еще неделю назад с чистой совестью признавал – повторись эта ситуация, этот унизивший его и его семью побег, он бы точно так же вынес смертный приговор и Ингрид, и тому недоумку, обрюхатившему её. Но сейчас... сейчас эта трагедия заиграла совершенно другими красками, и Арнольд боялся... боялся до капелек пота, выступивших над верхней губой, только одного – что судьба... эта сука-судьба отомстит ему единственным возможным способом.

Глава 2. Марк Арнольд. Натан

Мистер Арнольд с недовольством посмотрел на вплывшую в залу, где его принимал Дэй, горничную. Несмотря на то, что она максимально аккуратно и тихо прикрыла за собой дверь и так же неслышно поставила перед ними поднос с портсигаром, двумя пустыми бокалами и бутылкой хорошего бурбона, мужчине не понравилось это невольное вторжение в их с хозяином дома разговор.

– Присоединитесь?

Низкий голос, уверенный и твёрдый. Дэй вздёрнул бровь, кивая на бутылку, и мистер Арнольд так же коротко кивнул. Да, возможно, именно глоток-другой алкоголя поможет расслабиться, перестать ощущать это нарастающее давление в лёгких.

– Так что я не знаю, чем ещё мог бы помочь вам, – продолжил молодой человек прерванную горничной мысль, – в последний раз я видел мисс Арнольд ещё будучи в столице. У неё был ряд вопросов ко мне в связи с расследованием.

Он протянул наполненный наполовину бокал собеседнику.

– Я в курсе вашей встречи, но мне хотелось бы знать детали.

Мистер Арнольд одним глотком осушил бокал, чтобы со вспыхнувшей досадой ощутить, что тиски, сжимавшие лёгкие и горло, никуда не делись. Это бессмысленно. Всё бессмысленно, любая попытка унять тревогу и боль, да хотя бы уменьшить их, пока он, наконец, не заключит в своих объятиях дочь. Со стуком поставил на столик стакан и выдохнул, собираясь с мыслями.

– Вы должны понимать, что я имею право не раскрывать нашего со следователем разговора. И обязательно воспользуюсь этим правом.

Арнольд стиснул зубы, чтобы не сорваться, не схватить этого засранца за плечи и не вытрясти из него всё, что он мог знать о Еве. Он не готов был вести светскую беседу и терять такое драгоценное сейчас время, но Дэй уже дал ему отчётливо понять, что с ним она будет только на условиях оппонента.

– Мне плевать на ваши права, – тихо, смотря прямо в глаза Дэю, на мгновение ему даже показалось, что взгляд последнего почернел, – моя дочь бесследно пропала, и я сделаю всё, чтобы найти её.

– Я даже не сомневаюсь в этом, – он слегка склонил голову вбок, приподнимая руку с бокалом бурбона, – вопрос в

другом, мистер Арнольд. Чем конкретно я могу помочь? Ведь вы не могли заранее не подготовиться к нашему разговору, если нашли меня здесь, в этом городе.

– Несмотря на вашу скрытность, – Арнольд хмуро отметил про себя, что в кои-то веки ошибся, явно недооценив соперника с первого взгляда. Должность, ответственность и социальное положение требовали от Марка уметь определять характер человека если не с одного его слова, то хотя бы по истечении первых трёх минут общения. Увидев молодого парня, годившегося ему в сыновья, он решил, что сможет прогнуть того своим авторитетом, но до сих пор Кристофер Дэй смотрел прямо ему в глаза, давая понять, что отлично ощущает на себе попытки давления, но не собирается поддаться им.

– На которую у меня имеются свои причины.

Что означает, он не раскроет их. И Марк медленно выдыхает сквозь зубы. Осторожно, потому что резкий выдох причинит адскую боль, он знает. Как и знает то, что навряд ли выудит что-то полезное из этого разговора. Не по тому следу его отправил Томпсон. Да, объективно говоря, у Дэя были причины причинить вред Еве. Другой вопрос, стал бы он делать это, учитывая, что прямых улик против него у неё не было.

– Мне известно о том, что Ева делала запрос на получение ордера на ваше задержание.

И снова ощущение, что во взгляде Дэя тьма расплзается со скоростью света, он хмурится, закуривая и откидываясь на спинку дивана.

– Вам так же должно быть известно, что суд его не удовлетворил.

Да, конечно. Сукин сын вовремя объявился, его юрист делал основной упор на том, что клиент не скрывается, и у следствия не имеется весомых улик для задержания под стражу Дэя. Вопрос о том, что в этом грёбаном деле никаких конкретных улик пока не было и быть не могло, иначе убийцу давно уже опознали бы, для самого Арнольда оставался открытым.

– Послушай, парень, – Марк пружинисто поднялся со своего места, чтобы встать напротив развалившегося на диване Дэя, чтобы вернуть себе то привычное чувство превосходства, которое всегда было с ним в противостоянии с любым соперником, – мне плевать, какова твоя роль во всём этом деле с Живописцем. Потому что я верю в свою дочь и я верю в то, что она обязательно найдёт убийцу. Но тебе стоит бояться другого, – Марк слегка склонился к напрягшемуся мужчине, – не дай Бог я узнаю, что ты причастен к исчезновению Евы, – сглотнул образовавшийся ком в горле, как же тяжело снова и снова говорить это, – я убью тебя. Собственноручно.

– Только из уважения к вашей ситуации, – он даже не шевельнулся, по-прежнему глядя прямо в глаза Марку, – я сейчас не прикажу вышвырнуть вас из этого дома. Из уважения к вашим отцовским чувствам.

Арнольд склонился к нему, усмехнувшись.

– Одно из двух, парень. Либо ты беспредельно смел, либо ты беспредельно глуп. Хотя, разузнав всё о твоём положении, о твоих проектах и узнав фамилии твоих партнёров по бизнесу, которых я никак не могу отнести к идиотам, полагаю, что всё же должен быть третий вариант. Так?

Края губ дёрнулись в быстрой ухмылке, и Арнольд уверился в своей догадке.

– Что позволяет тебе разговаривать в подобном тоне со мной?

– Возможно, то, что у меня есть подозреваемый в похищении мисс Арнольд?

Сердце замерло на мгновение, а после пропустило серию быстрых коротких ударов.

– Ты говоришь похищение... так, будто знаешь, что она не просто пропала.

– Вы и сами знаете это.

– Кто? – кажется, он даже прорычал это слово, склонившись настолько низко, что теперь стоял лицом к лицу с прищурившимся Кристофером.

– Ева получала угрозы от Живописца. Мы полагаем, что от него.

– Кто вы? Кто ТЫ такой, чтобы моя дочь рассказывала тебе подобное.

– У меня есть свой информатор, мистер Арнольд. Но, – он взметнул ладонь вверх, – я не могу назвать его имя. Хотя и призываю поверить мне. А дальше, – снова пожатие плечами, – выбор за вами

И Марк едва не взревел, приготовившись ударить негодяя, и только понимание, что тогда он точно больше ничего не узнает, удержало.

– Это максимум того, что я могу вам рассказать. И это почти всё, что знаю я сам.

Дэй развёл руки в стороны, продолжая выдерживать испепеляющий взгляд Марка.

Марк и сам не знал, почему поверил, но поверил. Нет, конечно, он обязательно даст указания своим людям ещё раз перешерстить всю информацию о Кристофере Дэе, и они найдут всю его родню до десятого колена, хотя, насколько он уже знал, практически ни с кем из родственников молодой человек не общался с момента вступления в наследство.

Но, да, он поверил ему. Особенно в слова об угрозах Еве. Сейчас, вдали от арендуемого Дэем особняка он мог позволить себе сторать живьём в той боли, что взорвалась в центре груди после этой фразы. Она ни слова не сказала ему. Ни намёка. Слишком самоуверенная его дочь?

Но он и знал её такой. Дьявол, почему дети растут так быстро, что не успеваешь заметить, не успеваешь схватить эти границы времени и удержать, не позволяя им расширяться и отдаляться, отдалять ребенка от тебя? Как хорошо было раньше. Когда он знал всегда и точно, с кем его дочь и что именно она делает. Когда он мог закрыть её своей спиной, потому что она всегда была рядом, или обеспечить ей любую охрану. А сейчас... впрочем, ему некого больше винить. Какой бы состоявшейся и взрослой женщиной она ни была, у него были собственные рычаги для влияния на нее. Он не использовал их, предполагая, что не имеет никакого морального права. И ошибся. А теперь единственное, что ему остается – приложить все усилия, чтобы найти Еву. А заодно навестить Томпсона. Ублюдок не мог не знать об угрозах, которые приходили Еве, если уж в курсе них даже Дэй. Арнольд вдруг остановился посреди улицы, осознав, что, если Ева не подавала официального заявления о поступающих угрозах... а эта мерзавка, насколько он знал свою единственную дочь, ни за что бы не сделала этого, то о подобном мог знать очень ограниченный круг лиц. С кем могла настолько сблизиться Ева за столь непродолжительное время? Мистер Арнольд снова тяжело выдохнул. Нужно зайти в гостиницу напротив и попросить телефон. Возможно, Ева связывалась с Россом.

– Сюда подойди! – Розы засуетилась, услышав мой шёпот, и торопливо засеменила навстречу, – Почему они полные?

Указывая на тарелки с едой, которые стояли на подносе у ног Евы.

– Спроси у своей куклки, Натан, – Розы бросила в ее сторону неодобрительный взгляд, и если бы обладала хотя бы граммом тех колдовских способностей, о которых кричала клиентам на улице, то земля, на которой лежала девушка, вспыхнула бы мгновенно, настолько яростным он был, – тоже мне цаца... уже разбила пару тарелок.

А значит, уронила еду на пол, что для голодающей нищей Роз было преступлением куда худшим, чем убийство человека.

Я посмотрел на посуду, заполненную уже испортившейся пищей. Роз специально не убирала её.

– Конечно, специально не убирала, – старуха словно мысли мои прочла, – а то решишь ещё, что эту фифу никто не кормил.

– Перестань называть так её.

Поджала губы, вздёрнув вверх подбородок, и не ответила ничего, но мы оба знаем, что, по крайней мере, при мне точно так делать не будет.

– Она отказывается от еды. Пьет только воду, и ту редко. Не разговаривает ни с кем, не отвечает на вопросы. В общем, – Роз вытерла руки о подол шерстяной юбки, – если она окочурится здесь, моей вины нет. Я могу уйти?

– Иди уже. Разворчалась.

– Доживёшь до моих лет, посмотрим, каким ты станешь.

– А у тебя, смотрю, грандиозные планы, Роз?

Она усмехнулась, стягивая с плеч тёплую шерстяную шаль:

– На вот, укрывай свою принцессу, я всё равно наверх поднимаюсь.

– Не надо. Я сам.

Вот почему этой старухе было позволено в разы больше, чем любому другому жителю катакомб. Из-за её громадного сердца, ну и ещё из-за того, что именно она, рискуя собственной жизнью, когда-то не дала мне сдохнуть от голода.

Опустился на корточки перед спавшей на широком одеяле Евой и укрыл её сверху своим тёплым пальто.

– Красивая, ты понимаешь, что ты настолько красива, что на тебя адски больно смотреть? На самом деле больно, Ева. В глазах щиплет и печёт.

Тихо, склонившись к её маленькому уху, чтобы пройтись по мочке губами, вдыхая аромат её кожи. Сколько времени она тут? А я всё ещё ощущаю тёплый тонкий запах корицы на ней. Запах, от которого прошибает насквозь. Прошибает словно от бутылки самого крепкого виски.

– Сладкая и пьянящая. Словно горячий шоколад с виски.

Опустился на колени на землю, лёг рядом, лицом к ней. Изумительная красота. Невероятно будоражащая. Она бьёт в голову, заставляя путаться мысли и каменеть член. Заставляя слышать рёв своей же крови, взметнувшейся по венам подобно пылающей живым огнём лаве.

– До дна... я буду пить тебя допьяна, Ева Арнольд.

Губами по её лбу, собирая вкус кожи, лаская пальцами кончики ресниц. Нежная. Одновременно нежная и сильная. И очередным ударом молнии в голову – она в моих руках. Вот сейчас принадлежит мне полностью и будет принадлежать всегда. Пока я не решу иначе... но, чёрт побери, уже сейчас я чувствовал себя слишком слабым, чтобы отказаться от неё когда-нибудь.

Она не проснулась, когда я обнял, прижимая к себе, чтобы уснуть. Пару часов, которые были до очередной встречи. Арнольд, наверняка, не успокоится. И Криса ещё ждёт не одна встреча с ним, если старик не решит действовать кардинальными методами. Поэтому всего пару часов, чтобы потом ехать домой к Крису. Так мало времени рядом с ней, что уже сейчас начинает выворачивать от необходимости совсем скоро выпустить её из своих объятий.

– А может, Джони был прав, малышка? Может, это и есть любовь?

И закрыть глаза, упиваясь теплом её тела. Как раз через два-три часа действие транквилизатора должно закончиться. И почему-то вспомнились слова брата о том, что он собственноручно построит самое высокое здание в городе и назовёт его именем той, которую я назову любимой. Мы любили с ним посмеяться над этим словом. Самым никчёмным в словаре.

Шесть лет назад

– Некоторые люди верят, что воображения как такового не существует, и всё, что мы видим во снах, на картинах художников или в кинематографе, читаем в книгах или даже слышим от детей – это воспоминания. В какой-то момент мозг фиксирует объект, иногда даже незаметно от самого человека, чтобы выдать ему этот образ в другой момент. Иногда это происходит произвольно, и тогда мы видим во снах людей или ситуации, о которых не вспоминали и не думали, кажется, уже долгое время. Иногда это бывает довольно кстати. Так, например, во время опасности, человек вдруг может вспомнить нечто, что спасет ему или другому жизнь, сам не подозревая, что знал о подобном. Так что я помнил тебя все эти годы, – Крис плюхнулся в обитое чёрным бархатом кресло и закинул ногу на ногу, – все те годы, что подходил к зеркалу в надежде поиграть со своим отражением, я помнил тебя, засранец ты эдакий.

– Бред, – я взял протянутую сигару, закатив глаза, когда он недовольно нахмурился. Он терпеть не мог запах табака, как, впрочем, и алкоголя. При этом сам мог напиваться до чёртиков. Правда, на это у него были свои причины, о которых он расскажет мне потом.

– Если это правда, то откуда тогда ночные кошмары с отвратительными существами с уродливыми лицами и омерзительными телами?

– Возможно, просто твое вообра..., – замялся, когда я торжествующе взмахнул рукой, – эээм, я хотел сказать, твоё сознание слегка изменило воспоминание. Эмоции и чувства при мыслях о нём. Они наложили на лицо и силуэт человека твоё отношение к нему. Вот именно оттуда и получают кошмары.

В эти моменты он меня восхищал. Когда говорил вот с таким интересом, увлечённо, иногда прикрывая глаза, словно залезая в собственные мысли, чтобы выудить нужную. А я смотрел на него и невольно чувствовал, как замирало сердце от осознания – мой брат. Напротив сидит мой брат. Моя кровь и плоть. Тот, кто принадлежит мне ровно настолько, насколько я принад-

лежу ему. Это очень трудно объяснить тем людям, у кого всегда было что-то своё или кто-то свой. У меня когда-то была Мэри. Но её отняли самым жестоким образом. Отняли, потому что она не была моей в полном смысле этого слова. Я её «назначил» своей. Решил за неё и полюбил всем сердцем, как только возможно любить ребёнка. И за эту наглость меня лишили её. А Крис... Крис был моей частью. И я смотрел на него и понимал – моей самой лучшей частью. Той самой, великолепной, модернизированной версией меня. Как возможность смотреть на него и видеть себя таким, каким должен был быть я сам. Словно мы были одним человеком, но кто-то захотел посмеяться и разделил нас на двух людей, собрав в одном всё самое лучшее и отдав другому всё, что останется. И, возможно, меня это должно было раздражать. Возможно, это должно было стать причиной для множества обид и самой настоящей ненависти... но я не мог ненавидеть его.

Он очень удивлялся этому первое время. Опускался на корточки передо мной, сидящим на диване, и заглядывал в глаза.

– Ты другой, Натан, – говорил очень тихо. Крис вообще всегда говорил тихо и очень смешно, так не по-мужски, вздрагивал от неожиданных громких звуков. Потом я узнаю и причину этой его нервозности. Я буду открывать его для себя не сразу. И вместе с этим я буду любить его всё больше, начиная ненавидеть мир по-другому... начиная ненавидеть весь мир из-за него и за него.

– Такой же, как ты, можешь убедиться в зеркале.

Ни грамма реакции, словно и не слышал моих слов. Но он продолжает, и я понимаю, что ошибся.

– Нет, ты другой. Ты просто пришёл и сообщил мне, что ты мой брат. С ума сойти! Ты пришёл и сказал это так просто, словно сообщал новости из «Нью-Йорк Таймс».

– Прости, слишком долго собирался с духом и не успел приготовить более помпезное разоблачение.

– Я бы ненавидел тебя, Нат. За то, что ты отнял у меня всё. За то, что мне пришлось скитаться по улицам, пока ты в это время... – он вдруг снова хмурится, чтобы резко встать на ноги подойти к окну, – Впрочем, теперь уже ничто не имеет значения, так ведь?

Разворачивается ко мне, уже спрятав ту боль, что вспыхнула ранее в его глазах.

– Теперь ты мой брат, и только слепой посмеет отрицать это.

Улыбнулся широко и так искренне, продолжая всматриваться в моё лицо. То, чем я любил заниматься столько лет, следя за ним. Сколько раз я приезжал сюда даже из других городов, только чтобы убедиться, что он жив и здоров. Мой брат. Да, он прав, я не злился на него.

– Ты был слишком мал, чтобы принимать решения, Крис. С таким же успехом на твоём месте мог оказаться я, и наоборот. Мы не делали этот выбор.

Он усмехнулся.

– Никогда.

– Да, никогда. Его сделали за нас. Но у меня была возможность приходить к твоему дому и любоваться той жизнью, что у тебя была. Иногда я представлял себя рядом с тобой. В такой же точно одежде и на таком же крутом велосипеде. Я, правда, не понимал твоей одержимости ими.

Позже он признается, что езда на велосипеде дарила ему иллюзию свободы. Иллюзию выбора, что он сможет уехать куда захочет и когда захочет, не имея даже цента в кармане. Пришлось, правда, его разочаровать, что свобода без цента в кармане – это тотальная зависимость от всего и от всех. Просто эту зависимость осознаёшь, только оказавшись таким «свободным».

– Я никогда не представлял себя на твоём месте.

И это была абсолютная правда. Только рядом с ним. Так, как было задумано природой. Всегда только вместе. Вдвоем. Похожие, словно в зеркале, расколотом надвое.

– Я вспомнил! – он возбуждённо шагнул мне навстречу, – Тот пацан, что периодически появлялся у нашей ограды. Тебя ещё садовник гонял постоянно. Капюшон. Ты всегда закрывал лицо и лоб аж по самые глаза шапкой или кепкой. Чёртов ты ублюдок, Натан Дарк!

– Все люди после общения со мной со временем почему– то приходят именно к этому выводу.

– Но почему? Почему ты ни разу не сделал попытки подойти ко мне? Рассказать о нашем родстве, дьявол тебя раздери!? У меня не было друзей. Настоящего – ни одного. У меня мог быть ты, а у тебя – я!

Пожал плечами, думая о том, рассказывать или нет, что я не просто пытался, а я добился разговора его матерью. С нашей матерью. Так я думал о ней тогда. Ведь не берутся же дети из воздуха. И если была мать у него, то значит, она была и у меня.

Я тщательно готовился к той встрече. Тогда я украл одну пару брюк из швейного магазина. Я долго высматривал сквозь стеклянные витрины, как аккуратный лысый старичок в круглых очках с тонкой оправой складывал в бумагу и перевязывал красивой белой ленточкой новые штаны, сшитые на заказ сыну одной толстой дамочки. И пока она расплачивалась с портным, постоянно одёргивая сына, всё пытавшегося засунуть себе в карман то большие блестящие пуговицы, то что-то ещё, я пробрался в магазин, пригибаясь так, чтобы меня не было видно за прилавком, и стянул конверт с брюками.

Не знаю, почему сделал это, но не хотел показаться матери кем-то вроде бедного родственничка, вымаливающего милостыню. Ведь я оправдывал её про себя. Ведь с той минуты, как я узнал, что у меня был брат, и до того проклятого дня, как услышал её истерический смех, я придумал целую легенду. По ней никто не отказывался от меня, а непутёвые врачи спрятали и затем продали меня тому жирному подонку и Джени. А мои настоящие мать с отцом, те, что любили и растили Кристофера, никогда и не знали, что нас было двое. И стоит им меня увидеть...стоит мне переступить порог их дома, как они примут меня в свою семью и будут любить так же, как Криса.

Какой оказалась наша встреча на самом деле? Миссис Дэй, как только увидела меня у своего забора, застыла, а потом стала смеяться. Она хохотала словно сумасшедшая, откинув голову назад и упирая руки в бока. А потом закричала, подбежав ко мне, чтобы я убирался. Что она была полной дурой, ведь ей говорили, что у него их было два...два выродка от этой шлюхи, и что с неё хватит. Она слишком долго терпела одного ублюдка, но не позволит и второму разрушить её жизнь. Она брызгала слюной, вцепившись худыми пальцами в металлическую решётку, через которую пыталась поймать меня второй рукой. Она истошно завопила, зовя садовника и одновременно обещая убить меня, если я посмею явиться в её дом. Напоследок она закричала, чтобы я убирался и забрал своего никчёмного брата, и мы отправились к проститутке, родившей нас.

Чуть позже я расскажу Крису об этом. Когда он в десятый раз упрекнёт меня в том, что я столько лет скрывался. Расскажу, чтобы увидеть в его глазах другой упрёк. Гораздо более худший. Обвинение в том, что я тогда не послушался эту богатую дрянью и не забрал его с собой.

Глава 3. Ева

Я почти ненавидела эту старуху. Возненавидела, потому что поняла: она меня опаивает чем-то. Какой-то дрянью, от которой я вырубаясь на неопределённое время и прихожу в себя с жуткой головной болью. И каждый раз, когда мне удаётся открыть глаза, я вижу её, сидящую на стуле напротив меня. Жуткое зрелище. Нет, не её изуродованное лицо или хмурый взгляд, в котором она не скрывает всего своего презрения ко мне, а само понимание, что всё то время, когда я без сознания, эта женщина просто сидит и смотрит на меня. Иногда я чувствую её тяжелое дыхание и подолгу не открываю глаз, выжидая, когда она отойдёт, и собираясь с силами для новой молчаливой борьбы. Она таковой стала не сразу. Сначала я задавала вопросы. Сначала я спрашивала у неё, где Дарк, спрашивала, где нахожусь я сама, несмотря на то, что, конечно, знала. Я не спрашивало её о том, почему меня заперли здесь, так как понимала, что её оставили всего лишь присматривать за мной. Наверяд ли такой, как Дарк, станет вводить в свои планы Роуз. И тут же сама смеялась над собой. Потому что теперь я вообще не понимала, каким был этот самый Дарк... точнее, насколько жестоким и бесчеловечным он был. И в голове одна за другой плиты состыковываются, складываются в один-единственный образ, в фигуру Натана Дарка. И только его лицо ещё остаётся за плотной завесой самого чёрного оттенка чёрного. Плиты-выводы из воспоминаний. Его спокойный хладнокровный голос, пока толпа избивает до полусмерти молодого парня, рассказ Люка о бездомном, которого он с таким же равнодушием лишил пальцев, жестокие законы его катакомб. Да, они кажутся относительно справедливыми, если не вдумываться в каждый из них. Если не разбирать на маленькие составляющие, во главе которых имеет значение только одна константа – его слово. Тот самый закон для всех.

Роуз неспешно поднимается со своего места, и я злорадно отмечаю, что ей с каждым разом это простое движение даётся всё тяжелее. Сейчас она встанет для того, что совершить наш ежедневный ритуал: поднять с пола поднос с тарелками и поставить его передо мной. Иногда я просто игнорирую её. Иногда мне нравится смотреть, как вспыхивает в её глазах злоба, когда я кидаю эти тарелки в стену. Это поймёт только человек, умиравший от голода. Ценность еды, которую я швыряю на пол. И это понимаю я. О, как я это понимаю. Иногда кажется, что я не посуду, а часть себя выбрасываю на грязную землю. Трое суток. А может, четверо или шестеро, я на самом деле не знаю, сколько времени нахожусь здесь. Но я хочу есть. Господи, как же сильно я хочу есть! Мне кажется, я чувствую, как загибается мой желудок, как его скручивает в комок боли от голода. И самое мерзкое – это видит она. Розы. Роуз. Старая сучка, в глазах которой моё унижение отдаётся искрами триумфа. Она прячет довольную улыбку за тем самым платком, обмотанным вокруг лица, но я знаю, что она там есть. Торжествующая, победная, искаженная уродливым шрамом и от этого еще более жуткая. Она ждёт, когда я сдамся и накинусь на еду, которую её вынуждают мне приносить. Конечно, вынуждают. И я знаю, кто. Не знаю, только зачем. Но, если он меня до сих пор не убил и, если продолжает до сих пор посылать мне еду: мясо, овощи, булочки... Белые, горячие, аппетитно ароматные. Когда в последний раз сама старуха ела такое и ела ли вообще? Значит, зачем-то я нужна ему. И от предположений начинают шевелиться волосы на затылке.

– Ишь ты..., – вздрогнула, услышав её шелестящий голос. Кажется, мы негласно условились, что перестаем замечать друг друга... почему бабка решила прервать наше молчание? Что грядет за этим?

– У самой глаза-то голодные... так и сожрать готова. А выкобенивается.

Она подняла тарелку на уровень моего лица.

– Ешь давай. Не дитё малое.

Стейк...внутри всё сжалось в голодном спазме, от божественного аромата во рту слюна выделилась и начало сводить зубы от желания впиться в этот сочный кусок мяса. Всего лишь раз. Только узнать, каков он на вкус. Сколько времени человек может прожить без еды? Где-то читала, что несколько недель, если при этом будет пить воду. Но мне не верится. Вот сейчас не верится, когда кажется, что следующий день я не вытяну. Просто не вытяну. Что заставляет продолжать эту игру в мазохизм? Понимание того, что как только будет достигнут предел...как только будет достигнута крайняя точка над самой пропастью, появится он. Появится жестокий подонок с замашками Дьявола, искренне считающий, что только ему одному позволено вершить людские жизни. И ни минутой раньше. Ни секундой. Он надеется прогнуть меня, надломить, но не допустит, чтобы я сломалась окончательно. Не допустит, потому что его игра всё ещё продолжается. Чудовищная игра в чужие судьбы. Бедные сироты, нищие, Кевин, Кристофер, которому он не сразу признался в родстве, а теперь и я. И пока ему важна эта игра, пока он хочет получить от неё наслаждение, у меня ещё есть шанс выйти из неё. Пока он присылает свою старуху ко мне с едой, я вхожу в его планы живая. И как только над этим планом нависнет угроза, появится сам сценарист. Или я всё же полная идиотка и совершенно не знаю Натана Дарка.

– Ешь, глупая!

Роуз тычет мясом мне в лицо.

– Прозрачная вся стала. Страшно смотреть. Чего ты добиваешься этими капризами? Он всё равно не придёт. Хоть подохни.

– Капризами?

Кажется, удалось выдавить из себя смех, а показалось, что раздалось какое-то старческое кряхтение.

– Меня держит какой-то больной ублюдок на цепи под присмотром ополоумевшей бабки...и это мои капризы?

Она с грохотом поставила тарелку на поднос.

– Разговорилась. Посмотрите на неё.

– А что такое, Роза? Не нравится моя правда?

– В том-то и дело, что твоя она. А ты, вместо того, чтобы ерепениться, подумала бы, почему здесь сидишь, глядишь, и поняла бы что-то.

Дёрнулась к ней, резко встав на ноги, и тут же едва не свалилась на землю. Закружилась голова от слабости. Я прислонилась спиной к холодной стене и вдруг неожиданно поняла, что на мне пальто мужское. Его пальто. Может, поэтому мне во сне приснился его запах? Именно запах его тела, его кожи, терпкий, насыщенный, с нотками табака. Тёплый. Таким тёплым мне показался, если так возможно вообще сказать о запахе. Там, в этом сне он казался таким родным, таким правильным, в него хотелось закутаться, окунуться с головой, чтобы не проснуться в этом каменном мешке, пропитанным вонью затхлости и гнилых стен.

– Тихо ты, тихо.

Старуха подошла ко мне и помогла сползти на пол.

– Ты сильная девка, я поняла уже, – она медленно опустилась передо мной на корточки, – но сила – это штука такая, её поддерживать надо постоянно. А ты её отнимаешь сама у себя.

– Что ты добавляешь в воду?

Она усмехнулась.

– Откуда мне знать, как оно называется. Мне дали бутылку, я и добавляю. А ты благодарна должна за это быть, иначе свихнулась бы тут одна в этих стенах.

– Лучше свихнуться, чем так...

– Поешь...красивая такая была. Одна кожа да кости остались. На лицо взглянуть страшно.

И снова эту проклятую тарелку мне совать начала, я оттолкнула её руку, и стейк на пол свалился.

– Вот же зараза! Ты знаешь, что нет хуже греха, чем еду выбрасывать?

– Грех? Мне о Господе и грехах рассказывать будет прожжённая воровка?

Она встала молча и начала собирать с пола всю посуду на поднос.

– Что такое, Роуз? Разве я не права? Сколько твой хозяин тебе платит? И почему он разрешил тебе сегодня заговорить со мной?

Вздёрнула подбородок вверх и окинула презрительным взглядом.

– Никто не запретит делать Роуз то, что она хочет. И хозяина у Роуз нет и никогда не было. А если тебя не научили богатенькие папочка с мамочкой благодарности...

– Благодарности?

Я зашипела от злости, испытывая зудящее желание вцепиться пальцами в её седые грязные волосы, вырвать их с корнями.

– За что мне благодарной быть? И кому? Тебе, приставленной ко мне, подобно сторожевой собаке, или твоему негодяю-хозяину? За что? За это? – лязгнула цепью, – Я обязательно выберусь отсюда, Розы. И если не смогу сама... Ты права, у меня есть богатенький папочка, который перевернёт эту землю, но найдёт свою дочь.

– Глупая девочка... такая глупая, ты думаешь, если будешь голодать, он придёт?

– Он придёт, вот увидишь. Он обязательно придёт.

Она пошла к двери, а я застыла, услышав пренебрежительно брошенное:

– Конечно, придёт. Как приходил всё это время.

Я видела их во сне. Застывшие кадры чужой смерти, выполненные в чёрно-белых тонах, словно фотоаппарат намеренно стёр цвета той реальности, в которой оборвалась жизнь детей. Словно цвету больше не было места здесь, где остались воспоминания приёмных родителей и друзей об их звонких голосах и весёлом смехе. Наверное, это справедливо в какой-то мере. Нет ничего более жуткого, чем вдруг понимать, что того счастливого человека из твоей памяти больше нет, и его смех и его улыбки навсегда остались короткими вспышками боли из твоего прошлого.

Я видела их во сне и просыпалась в поту, дрожа от холода, который закрадывался в голову при мысли, что время остановилось только для меня и только здесь. Там, наверху, оно продолжается. Для Дарка, для Розы, для Люка, для моего отца, для миллионов людей. И для нелюдей тоже. Таких, как Живописец. Его время течёт вперёд, чтобы безжалостной смертельной волной врезаться в жизни следующих жертв. Сколько их сейчас у нас с ним? Изменилось ли количество? И, да, я чувствовала себя причастной к его будущим убийствам. Потому что позволила себя обмануть. Потому что оказалась здесь в этом месте сейчас. И мне некого винить, кроме себя. В конце концов, в обмане всегда виноваты двое. Тот, кто солгал, и тот, кто позволил себя обвести вокруг пальца.

Я видела их во сне и вспоминала свой разговор с Флинтсом.

«– Вы считаете, что он довольно немолод, – Флинт придирчиво рассматривает мой набросок. Примерный портрет на маньяка. Ничего серьёзного, просто попытка нарисовать его для себя, определить, какого человека я ищу, и что за тварь скрывается под его маской. И неподдельное удивление от того, что он мог заинтересовать Гарри.

– Я полагаю, что он, скорее всего, мужчина за пятьдесят.

– Почему вы так думаете? – снова его любимый жест с долгим протираем очков.

Пожала плечами, вспоминая вереницу лиц мёртвых мальчиков и слёзы на их глазах. Те самые, вырезанные.

– Мне кажется, они неспроста доверяют ему.

– Как это связано с возрастом? – Флинт усмехается, протягивая мне лист бумаги.

Выхватила его, чувствуя зарождающееся раздражение от ощущения, что нахожусь в учебном кабинете перед столом профессора, скептически настроенного к моей работе.

– Никак. Я просто пытаюсь себя поставить на место маленького мальчишка. Кому бы доверился я сам настолько, чтобы скрывать даже имя своего нового знакомого от друзей и сестры. И, мне кажется, это был бы, скорее всего, мужчина немолодой, не вызывающий чувства опасности или подозрений и при этом с профессией, интересной для паренька.

– Вы и правы, и одновременно ошибаетесь, Ева. При всём своём старании вы рассуждаете в первой части своего предположения, как маленькая девочка, которую учили сторониться молодых мужчин. Возможно, вы сама не осознаёте этого, но я вижу. Мальчишкам куда интереснее общение с кем-то, на кого они хотят походить. С кем-то молодым, полным сил, профессии непременно интересной, чем с кем-то, вроде меня – старичка, который даже вот в таком простом разговоре с вами по проклятой привычке берётся поучать. Как видите, со второй частью вашей гипотезы я согласен.

– В таком случае разве может быть что-то интереснее судмедэкспертизы?

Флинт замолчал и посмотрел на меня вдумчивым взглядом, а я не отвела глаза. Да, мне казалось, я скоро начну подозревать самых близких. Мне казалось, скоро это превратится в паранойю. Когда ни одной, ни одной, мать её, зацепки, и целый город потенциальных убийц.

– Наверяд ли. Но это только в том случае, если кто-то решится рассказывать о ней детям от девяти до тринадцати.

– А вы бы не решились.

– Никто, мало-мальски имеющий человеческий облик.

Я тогда просидела до полуночи с этим проклятым рисунком, то стирая, то заново рисуя неизвестные мне черты. Выживая из памяти лица всех детей и пытаюсь найти нечто общее для них для всех. Нечто, позволившее бездушному мерзавцу с одинаковым успехом заполучить таких разных мальчиков. Несмотря на то, что они все были из приюта, тем не менее они очень сильно отличались между собой. Вспоминались слова их приёмных родителей и воспитателей в приюте. Кто-то из детей любил животных, кто-то их панически боялся; кто-то увлекался конструированием, кто-то любил читать. Некоторые регулярно и с особым удовольствием посещали церковь, и не только по воскресеньям, другие шли на службу не чаще раза в неделю и только под пристальным взглядом воспитателя или же матери, чтобы не сбежать по дороге. Такие разные дети, которых объединил один ритуал смерти.

И сейчас я смотрела на опостылевшие до зубовного скрежета серые безликие стены и лихорадочно продолжала искать то самое общее между ними. Пыталась представить, что всё же могло заинтересовать каждого из них. Правда, в голове всё с большим отчаянием билась мысль, что дело именно в личности убийцы. Слишком тонкий детский психолог, знающий, на какие точки нажимать, чтобы манипулировать мальчиками? Или же просто человек, который находит общий язык с детьми, потому что сам имеет их? Детей, братьев, учеников.

Мысль выскальзывает, наглая, не хочет поддаваться, дразня тонкими крыльями подсознание, и улетучивается вместе с навалившейся слабостью.

И уже проваливаясь в сон, вдруг услышать хриплый голос Дарка, спускавшегося в мою камеру.

Он не любил вспоминать события из своего детства. Всё чаще они казались ему ненастоящими, каким-то искажёнными что ли. Они не могли принадлежать ему. И в то же время он, конечно, понимал, что именно детство определяет будущее человека, его характер и силу. В таком случае ему, наверное, следовало бы быть благодарным за всё, через что пришлось когда-то пройти, чтобы стать тем, кем он стал сейчас. Вот только странно благодарить кого бы то

ни было за погружение в Ад. А именно таким и было оно. Его детство. Пора, ассоциирующаяся сейчас у взрослого мужчины только с болью. С океаном боли и унижений, в котором его топили разные люди, но всегда с одинаковым упоением, и из которого он каким-то чудом всё же смог выплыть.

Анхель всегда с таким удовольствием представлял себе смерть Гленн, представлял, как втыкает лезвие в её шею и смотрит, как она захлёбывается собственной кровью, протягивая к нему скрюченные пальцы и пытаясь выхватить у него единственный оставшийся портрет своего убого сыночка. Да, он непременно бы стоял и кромсал его лезвием самого острого в доме ножа, глядя на то, как беспомощно дёргается эта сука в своих предсмертных судорогах. Он мечтал именно о такой красивой и одновременно грязной её смерти, искренне веря, что только собственной кровью Гленн Аткинсон сможет смыть все годы его унижений и боли.

К сожалению, когда-то он был слишком слаб, и от него зависело слишком мало. Сумасшедшая тварь сдохла совершенно по-другому, и он до сих пор не смог простить ей этого. Того, что не корчилась в предсмертных конвульсиях и в мольбах пощадить её, а просто однажды не проснулась. Впоследствии он не раз будет анализировать свою жизнь и придёт к мнению, что именно это и стало самым большим разочарованием в ней. Тот день, когда посеревший лицом и вмиг осунувшийся Барри сообщил, что Гленн нет. Он плакал, повторяя сквозь громкие мерзкие всхлипы: «Её больше нет. Нашей мамы больше нет, Бэнни». И тогда Анхель побежал в спальню, чтобы убедиться в этих словах, чтобы кричать этой бессердечной дряни, что она не смеет уходить вот так...ведь он почти решился. Он запрыгнул на кровать и пинал ногами её белое лицо с посиневшими губами, призывая встать, пока в комнату не вбежал её муж и не оттащил от трупа мальчика. Придурак всерьёз предположил, что ребёнок настолько проникся смертью психованной мрази, что успокаивал его, прижимая к своей груди и продолжая отвратительно рыдать ему в ухо.

Единственное, что успел сделать мальчик – это всё-таки исполосовать на мелкие лоскутки портрет их мёртвого сына, который Аткинсон собирался положить в гроб к своей жене. Иногда мальчик думал о том, что мужчина хотел сделать это с целью облегчения, отпустить всё, что было связано с полоумной бабой и её главным пристрастием. Словно отдавал свой последний долг ей...или последнюю плату за собственную свободу. Иначе зачем отцу расставаться с последней фотографией своего ребёнка? Мальчику было плевать. С некоторых пор он ненавидел всю эту троицу одинаково. Никчёмного пацана, на место которого его взяли, словно собачонку из приюта, сбрендившую мамашу и равнодушного папашу, безразлично смотревшего, как его свихнувшаяся жена изводит невинного ребёнка.

Барри умер быстро. Но это было так сладко, что мальчик долго ещё пытался воссоздать в своей памяти кадры смерти ублюдка под визги его любовницы. Соседки, которую притащил в дом меньше, чем через пару недель после похорон Гленн. На самом деле мальчик не собирался убивать Барри. Он ждал своего четырнадцатилетия, чтобы поговорить с ним и уйти в послушники, куда его звал отец Энтони. Наверное, единственный человек за всю недолгую жизнь Анхеля, который проникся к пареньку не просто сочувствием, но и боролся за него своеобразным способом.

Потом именно отец Энтони будет готовить для мальчика сумку с едой и со сменной одеждой, которую мешками таскали в церковь сердобольные прихожане. Именно отец Энтони спрячет у себя Анхеля, позволив догорать дому, который мальчик поджёг и откуда сбежал теперь уже насовсем. Не задавая вопросов и справедливо полагая, что убитых уже не вернуть, а покалеченную душу парня он всё же надеялся отбить у самого дьявола. Не получилось. Слишком сильным оказалось послевкусие триумфа и воцарившейся справедливости, являвшееся воспоминаниями захлёбывавшегося в предсмертных судорогах Барри. Воспоминаниями его слёз, размазанных по лицу окровавленными пальцами, и оттого казавшихся бордовыми, когда он

ошалело толкал в плечо свою мёртвую подружку. Идиот так и не понял, что стало причиной его наказания. До тех пор, пока Анхель не прокричал их ему в изуродованное лицо.

А потом он уходил. В его городке думали, что он под покровительством отца Энтони ушёл в монастырь, сам священник думал именно так, провожая парня в путь и давая последние напутствия. Но Анхель уже утром того дня знал, что отправится совершенно в другую сторону. Туда, где больше никто и никогда не скажет ему, что делать и кем быть.

Отец Энтони проиграл свою битву за душу этого мальчика задолго до того, как вступил в бой.

Ему не нравилось искать её. Терять своё время на это. Его вообще в какой-то степени даже возмущало, что эта дрянь посмела вот так исчезнуть в самой середине их игры. Самое нелепое – полиция считала, что это он причастен к похищению девки. То, что её похитили, он не сомневался. Она была чем-то похожа на него, хоть и пришла бы в ужас от этого открытия. Но удовольствие от их противостояния, он был уверен в этом, они получали обоюдное. Как секс. И поражение одного из них станет самым мощным оргазмом. Ох, как он предвкушал её поражение. Как представлял себе её слёзы. Да, в какой-то момент он решил, что следователь обязательно должна будет исповедаться ему. Должна будет, наконец, заплакать окровавленными слезами, умоляя не убивать её. Как умоляли все они. Его ангелы. Но с ними он был милостив. Им он отпускал все грехи, прежде чем нанести последний удар. К ней он однозначно не будет столь добр.

Мужчина прошёлся по своей комнатке. Где она могла быть, эта сучка? Он искал её во многих местах. Первым именем, пришедшим на ум, был Натан Дарк. Бездомный явно неспроста вился вокруг следователя. Рассчитывал просто трахнуть или имел особые цели, он не знал. Но по катакомбам прошёлся. Не смог не оценить фанатичную преданность, с которой жители этого убого пристанища скрывали местонахождение своего вожака. Впрочем, он готов был отдать левую почку за то, что ими больше двигал страх. Такой животный инстинктивный страх быть наказанным, возможно, изгнанным из этого места. Второе, он знал, для многих было гораздо хуже любого возмездия.

Мужчина бросил раздражённый взгляд на фотографию мальчика с облезлым котёнком в руке. Его новый Ангел. Он был прекрасен в своей невинности... и оттого мысль о том, что ожидало его там, за дверьми приёмного дома, казалась ещё более ужасающей. И ведь не так много времени осталось. Мальчика совсем скоро должны усыновить. А он впервые не хочет скорее начать свою работу с ним. А всё из-за этой Арнольд. Теперь просто исповедовать и направлять стало неинтересно. Теперь он хотел, чтобы она знала о каждой новой спасённой им душе. Смотреть на её бессилие и разочарование теперь стало новым условием их игры. Специей, без которой его любимое блюдо больше не казалось таким вкусным.

Глава 4. Марк Арнольд. Ева

Мистер Арнольд удивлённо смотрел на помощника следователя, нервно затушившего сигарету, когда он вошёл в его кабинет. Тот о чём-то говорил по телефону, поэтому лишь молча указал глазами посетителю на стул перед столом, за которым сидел. Марк снял шляпу и расположился на стуле, положив её на колени и думая о том, почему таким измождённым выглядел полицейский. Казалось, под его глазами залегли тёмные круги, а края губ были слегка опущены книзу, пока он слушал собеседника в трубке. Мистер Арнольд вспомнил фотографию высокого красивого темноволосого мужчины, которую увидел в его доме, куда зашёл сегодня с утра и где его встретила улыбчивая жена полицейского вместе с его сыновьями. А ведь когда-то он сам мечтал о сыне, которому мог бы передать своё дело и все свои знания и опыт, но судьба распорядилась иначе. Он не жалел ни секунды о том, что у него родилась девочка, но знай, что когда-то он окажется в нынешней ситуации, знай он когда-то, что будет искать свою дочь всеми правдами и неправдами по всей стране, он бы запретил себе даже мечтать о втором ребёнке, лишь бы только с первым ничего не случилось.

Тогда Томпсона не оказалось дома, его жена сказала, что в связи с исчезновением следователя, Люк приходит домой только ночевать, и целесообразнее искать его в участке. И сейчас, глядя на его усталое лицо, Марк верил словам женщины.

Наконец, Томпсон закончил разговор и как-то зло положил трубку на громоздкий телефонный аппарат.

– Добрый день, мистер Арнольд.

Сказал отрывисто, скорее даже, напряжённо. Понятно, негодует, что приходится терять время на разговоры с непрошеными визитёрами. Арнольду было плевать. Его время было гораздо ценнее и измерялось количеством часов жизни Евы.

– Разве я докладывал о своём визите?

Мужчина усмехнулся и снова потянулся к портсигару за новой сигаретой, вопросительно вздёрнул бровь, но Арнольд отрицательно качнул головой, и он закурил сам, чиркнув длинной спичкой.

– Нужно быть последним идиотом или же совершенно не уметь читать, чтобы не знать сенатора Марка Арнольда.

– Но сюда я всё же пришёл не как сенатор. И вы должны понимать это.

– О, да, – глубокая затычка, – более того, я отлично знаю, зачем вы пришли. Но, как говорится, привычка – вторая натура. Поэтому всё-таки спрошу: что именно является целью вашего визита?

– Вся информация о моей дочери.

Томпсон тяжело выдохнул, будто до последнего надеялся услышать что-то другое. Возможно, просто так проявлялась его усталость. Арнольд почему-то обратил внимание на заполненную окурками пепельницу из дешёвого алюминия, стоявшую по левую руку от Люка. А также на несколько фотографий, раскиданных по столу. Страшных фотографий, если взглянуть в них. На каждой – привязанный к стулу ребёнок с перерезанным горлом, где-то крупным планом мёртвые лица с такими же мёртвыми глазами. Он знал, какое дело расследует его дочь. Он даже выбивал время для их с Томпсоном дуэта, так как в столице уже ждали определённых результатов, а точнее, одного-единственного. Поимки маньяка, державшего в страхе весь этот небольшой городишко. Но одно дело – читать в газетной статье с изображением неважного качества, другое – вот так, подробно рассматривать каждую деталь этих чудовищных убийств. Вот почему голос дочери при телефонных разговорах ему казался таким чужим, словно потухшим. Вот почему таким же потухшим выглядел сам Томпсон. Его взгляд,

обращённый, казалось, мимо Арнольда, навряд ли отличался большей жизнью, чем мёртвые взгляды запечатлённых на плёнке детей.

– Вы получали от неё какие-нибудь новости за последние дни?

Странный вопрос застал Арнольда, ушедшего далеко в своих мыслях, враспloch. Он посмотрел на говорившего, пытаясь понять, к чему тот ведёт, и снова отрицательно качнул головой.

– Возможно, вы видели её саму или следы её присутствия?

– Нет.

– Тогда какой информации вы ждёте от меня? Мне известно ровно столько же, сколько и вам. А точнее, явно меньше, так как с нашего последнего разговора я не продвинулся в своих поисках, а вы вполне могли. Ева пропала. Пропала бесследно после смерти одного из жертв Живописца. Поисковые отряды ничего не обнаружили. Я сам ничего пока не обнаружил. Возможно, вам следует обратиться к её прошлому? К её знакомым из жизни до переезда сюда? И потом, – Томпсон усмехнулся, делая очередную затяжку, – вы, наверняка, до прихода в участок уже успели собрать кое-какие данные о Еве. Целесообразнее было бы мне послушать вас, а не наоборот.

Арнольд прищурился, наблюдая за тем, как тяжело тот выпустил дым в потолок, пальцы нервно прошлись по фотокарточкам.

– Поверьте, найти вашу дочь – сейчас для меня, – Томпсон поймал его взгляд на свои пальцы, – первоочередная задача.

– Но не единственная. Я понимаю. Как понимаю, что для моей дочери куда важнее были бы ваши действия в другом направлении. Но я всё же хочу получить от вас информацию.

Да, телефонного разговора оказалось мало. Арнольд по наводке Люка почти не нашёл ничего, сколь-нибудь достойного внимания. Кроме знакомства с Дзем, конечно. Но под этого ублюдка уже всю копали его люди, и совсем скоро вся его подноготная будет раскрыта на листах бумаги с отчётом.

– Всё, что вам известно о Еве. Её новых знакомых в этом городе, её проблемах, её...

– Я вам всё это уже поведал по телефону. О её подозрениях и окружении. По правде говоря, не могу даже дополнить свои слова чем-либо ещё. Ева... она не общалась практически ни с кем. Ну или, – Люк пожал плечами, – я совершенно не в курсе. Мы говорили с ней только о работе. Темы, как видите, – он зло ухмыльнулся, – у нас были интересные и частые.

– Какие предположения выдвигала моя дочь по преступнику?

Томпсон замолчал, затягиваясь и сосредоточенно смотря, скорее всего, прикидывая, может ли сослаться на тайну следствия. Но, видимо, решив, что нет смысла ждать официальной бумаги сверху, выдохнул и развернул пару фотографий в сторону Арнольда.

– Определённых вариантов не было. Она полагала, что Живописец связан каким-то образом с медициной, скорее всего, с психологией, или же преподаванием, возможно, даже священник. Местный святой отец отпадает. Минимум на двух убийствах у него было алиби, подтверждённое сразу несколькими прихожанами. На остальных – его семьей. Сейчас мы работаем с врачами и учителями, как-либо и когда-либо связанными с сиротами.

Мужчина подтолкнул какую-то бумагу посетителю, и тот увидел набросок мужского лица, сделанный чёрным карандашом.

– Этот рисунок передал мне наш судмедэксперт. Ева пыталась изобразить примерный портрет убийцы. Таким, каким видит его сама.

– Он... довольно зловещ.

Рассматривая хмурое лицо взрослого мужчины, с проседью на висках и несколькими морщинами на лбу и возле рта.

– Она полагала, что примерный его возраст старше сорока – около пятидесяти.

– Почему?

Томпсон пожал плечами.

– Я не знаю.

– А что думаете об этом вы?

– О рисунке?

– Об убийце. Каким его видите вы, Томпсон? Ведь вы также ведёте это дело наравне с Евой.

В горле застряли слова о том, что дальше поведёт его один, если что-то случится с ней. С его маленькой девочкой.

И снова пожатие плечами. Томпсон затушил сигарету и посмотрел прямо на Марка, раздумывая, что можно рассказать тому, а что нет. Показаться скрытным отцу пропавшей женщины не то же самое, что показаться несостоятельным сенатору.

– Я могу только сказать, что эта мразь больна. Я предлагал искать вашей дочери среди выпущенных из клиник и имеющих справки пациентов психиатрических больниц.

– А она?

– Она пошла дальше. Она лично встречалась с этими ублюдками, мистер Арнольд. Вы понимаете, почему теперь у меня опускаются руки?

Меня знобило. От холода и ещё больше – от голода и слабости. Я проваливалась в сон как-то резко, будто кто-то нажимал кнопку и выключал меня. Как бы я ни сопротивлялась этому. Как бы ни боролась с собственным организмом, умоляя...да уже умоляя дать мне хотя бы пару минут, чтобы просто посмотреть в эти чёрные глаза, хотя бы взглядом передать всю свою ненависть к ним, но он, проклятый, всегда оказывался глух к моим мольбам, нагло вырубая сознание, чтобы накопить хотя бы крохи сил к следующему противостоянию со старухой.

Да, я вызывала в себе ненависть к Дарку, к его имени, ко звуку его голоса и шагов. Я представляла, как однажды мы поменяемся с ним местами, и тогда Натан впервые в своей жизни поймёт, что не всеми людьми можно управлять. Что не всех можно запугать изгнанием или смертью. Что не все они – безропотные и безвольные игрушки в его руках. И нельзя играть людьми в игры, от которых получаешь удовольствие ты один, используешь в своих целях, не считаясь с их чувствами и взглядами. Смешно. Ведь таким мне показался Кристофер...и я почему-то решила, что его родной брат совершенно другой, несмотря на то, что именно Дарк наглядно продемонстрировал мне всю свою жестокость по отношению к собственным людям.

Понятие справедливости не может быть двуликим, для него нет «своих» и «чужих», и я поддалась своему нежеланию видеть в нём то, что он и не скрывал с самого начала. Дура. Самая настоящая безмозглая дура, уступившая голосу похоти, только потому что впервые испытала её с ним. Впервые желала кого-то так, как его...так, что сводило скулы от потребности в его прикосновениях...и так глупо просчиталась.

Я вела с ним диалоги. Придуманные, мысленные. Я высказывала ему всё, что думала о нём, искала наиболее обидные слова и...тут же пыталась выплыть из собственного бреда мыслей в реальность. В свою убогую реальность, в которой я, словно рабыня или каторжник, сидела на цепи, голодная и обессиленная, и ждала прихода короля бездомных в свою камеру. Так я называла это место про себя. В какие-то моменты я запрещала себе фантазировать. О чём бы то ни было. Запрещала, вспоминая лица тех, кого мы успели опросить с Люком.

Люди с подтверждённым психическим диагнозом. Действие, предполагавшееся поначалу просто муторным и тяжёлым, на деле могло оказаться не менее опасным, чем встреча с диким животным. После получения списка всех выпущенных из больниц за последние месяцы пациентов, мы с Люком и с другими офицерами отправились к ним в гости.

«– По крайней мере, нам повезло, что этот мерзавец мужчина, и мы смело вычеркнули всех полоумных женщин из нашего списка.

Люк затушил сигарету, бросив её на землю и наступив носком туфли. Мы стояли у дома бывшего пациента психиатрической больницы Лестера Брекетса.

– Люк...

– Что? Ну если они полоумные, как их ещё называть? Психи? Нелюди? Что тебя больше привлекает?

– Меня привлекает больше возможность войти в эту дверь и поговорить с Лестером.

– Угу, – он недовольно посмотрел на меня и постучал кулаком три раза, – сомневаюсь я, что нам дадут пообщаться непосредственно с ним.

И он оказался прав. Мать Лестера, миловидная слегка полноватая женщина с приятной улыбкой и напряжённым взглядом, проводила нас в гостиную, где за чтением газеты на диване сидел сам парень, и, быстро сняв аккуратный фартук с нарисованными яблоками, предложила чай.

– Нет, спасибо, – Люк кинул на меня вопросительный взгляд, прежде чем отказаться и обратить всё своё внимание на молодого мужчину лет двадцати трёх, который, казалось, даже не повернул голову в нашу сторону. Словно и не заметил, что в доме появились гости.

– Увлекаешься испанским?

Люк присел на диван, заглядывая в газету, которую тот читал. Парень продолжал беззвучно шевелить губами, водя указательным пальцем по типографской краске.

– Он...иногда, – женщина встревоженно посмотрела на меня, – иногда ему нравится читать на испанском.

– Что именно?

– Да что угодно, – она пожала плечами, – газеты, журналы, просто слова на испанском.

– Он обсуждает прочтённое с вами?

Я приблизилась к Лестеру, и его мать заметно напряглась.

– Нет, он просто читает.

– Возможно, это как-то плохо на него действует?

– Что? – она нахмурилась, – Почему газета должна плохо на него действовать?

– Я не знаю, миссис Брекетс. Почему тогда вы так взволнованы, что мы застали его за чтением газеты? Ведь он вроде даже не замечает нашего присутствия здесь.

Она выдохнула как-то обречённо, и пододвинув себе стул, села на него, с тоской взглянув на сына.

– Он не изучал испанский. Никогда. По правде говоря, я даже не уверена, что он понимает...точнее, что он вообще читает, так как он не может знать испанский алфавит. У него трудности с чтением. Лестер неспособен складывать буквы в слова, а слова в предложения.

Тон её голоса менялся, становясь мягким, каким-то бархатным, когда она произносила имя сына, поворачивая свою голову к нему...а у меня сотни мурашек в этот момент пробежали по спине от той тоски, с которой она смотрела на него.

– Вы уверены?

Люк достал из кармана куртки блокнот и карандаш и быстро что-то написал, затем положил блокнот на газету, так, чтобы он оказался прямо перед глазами парня. Тот вдруг резко застыл, уставившись в появившуюся надпись, а затем так же беззвучно что-то произнёс.

– Что вы делаете?

– Ничего. Проверяю способности вашего сына.

Люк снова что-то быстро чиркнул в блокнот и ткнул его едва ли не под нос парню, протянув тому еще и карандаш.

На этот раз парень напрягся, и в ответ так же встревожилась его мать.

– Послушайте, – она привстала со стула, смотря на меня взволнованными глазами, – мой мальчик никому ничего дурного никогда не делал. Он даже в школу ходил только первые два года, понимаете?

– Миссис Брекетс, – встала возле неё, придерживая за плечи и глядя на то, как парень вдруг взял карандаш из пальцев Люка и, задумавшись буквально на мгновение, начал что-то выводить в блокноте, – вы же видите, мы не причиним вашему сыну вреда. Офицер Томпсон просто проверяет кое-что.

– Никогда не учили, говорите? – Томпсон развернул блокнот с выведенным на нём буквами в нашу сторону, – Ваш парень, возможно, неспособен читать, но пишет он довольно сносно. На испанском.

Позже беседа с врачом Лестера ещё больше запутает нас.

«– Мы не можем объяснить этот феномен, но он, действительно, существует. И Лестер не единственный такой пациент.

– Но как можно писать на чужом языке, который ты никогда не изучал? Более того, его мать утверждает, что парень даже по-английски читает с большим трудом.

– Нет, он не способен читать на английском вовсе. У него дислексия. Он вполне развит интеллектуально, физически, вы сами видели это.

– Прошу прощения, доктор, но насчёт интеллектуально я сильно сомневаюсь.

Он усмехнулся, прищурившись и глядя мне в глаза.

– Лестер очень необычный парень. Очень. Он великолепно читает и очень складно говорит. С ним интересно общаться на многие темы. Но его любимая – это путешествия. И испанские путешественники. А вы...вам, видимо, несказанно повезло, как сторонним наблюдателям. Вы застали его в период обострения заболевания.

– Что ж это за заболевание такое, с испанским уклоном? – Люк нетерпеливо остановился перед нами, не позволяя дальше идти по больничному двору. Мы оба уже поняли, что Брекетс точно не мог быть Живописцем. У него было алиби на момент последних трёх убийств, плюс эти записки...такому, как он, сложно было бы собрать одно слово из газетных букв, не говоря о целой осмысленной фразе.

– Испания тут совершенно ни при чём, офицер. С таким же успехом это мог быть японский, китайский или французский, собачий или птичий. Лестер Брекетс страдает диссоциативным расстройством личности. Проще говоря, вчера вы познакомились с его второй личностью.

– Я тебе говорил, что встречаться с шизиками у них дома – это плохая идея.

Люк вытащил пачку сигарет из кармана, но под строгим взглядом врача убрал её обратно, еле слышно чертыхнувшись.

– Ни в коем случае. Лестер не шизофреник. Это другое заболевание. Более того, если вы встретите его в другой день, он вас не узнает, но, уверен, приятно удивит своим общением и логичностью мысли.

– Хотите сказать, что он не вспомнит нас?

– Он не может помнить того, с кем не встречался мисс Арнольд, – доктор сцепил пальцы в замок и сухо улыбнулся, – тот, которого вы увидели сегодня утром, совершенно другая личность, обитающая в теле Лестера Брекетса. И Лестер никогда не знает, когда появляется второй, и никогда не помнит его действий в эти проявления».

Затем был второй...второй оказался дома один и кинулся на меня с ножом и дикими криками, стоило мне войти в открытую настежь дверь. Его смог остановить Люк, и мы задержали парня, чтобы отправить в больницу.

Третьим оказался совсем юный паренёк, лет шестнадцати, и у него тоже было алиби на момент некоторых убийств. Позже я проверила эти алиби, конечно.

Другие наши парни тоже ничего определённого не обнаружили. Эти следственные действия ничего нам не дали, на самом деле. Только ощущение потерянного времени и впервые появившийся затаённый страх оказаться однажды в едином теле с совершенно незнакомой личностью.

Я очнулась снова в своей камере. На этот раз ненадолго, только чтобы встретиться со встревоженным... встревоженным? взглядом старухи, стоявшей передо мной и, видимо, ожидавшей моего пробуждения.

– Глупая девка! Поешь, ты себя угробишь!

Снова тычет мне в лицо своей тарелкой, из которой божественно пахнет супом, и этот запах смешивается с ароматом свежее испечённого хлеба.

– Не хочу, – чувствуя, как сжался пустой желудок, и начала подкатывать к горлу тошнота от голода, – убери. Убери, Роуз.

– Ешь. Ешь, и тебе станет легче.

Она с трудом склонилась ко мне.

– Послушай, ты поешь, а я ему скажу, что ты снова вылила еду. Я обещаю, не выдам тебя.

– Не надо. Скажи ему, чтобы катился к дьяволу. Слышишь, Роуз? Так и передай.

– Упрямая дурочка. Чего ты добьёшься? Сама себя убиваешь. Поешь и скажи ему это сама.

– Победы. Я в любом случае выиграю, Роз.

– Ты не доживёшь до своей победы, идиотка.

– Тогда я всё равно её одержу. Или ему придётся спуститься ко мне, – закашлялась, потому что в горле, во рту всё першило от сухости, – или ваш грозный Натан Дарк проиграет слабой женщине.

И мы обе замерли, когда вдруг раздался мужской голос, наполненный тихой яростью:

– К чему победа, если нет возможности насладиться её вкусом, Ева?

И мне показалось..., наверное, показалось, что Роза как-то облегчённо выпрямилась и, посмотрев долгим взглядом в сторону Дарка, поспешно вышла из камеры, оставив свои тарелки на полу.

Глава 5. Натан. Ева

Я только вчера успел встретиться с Арленсом, который слишком настойчиво настаивал на беседе, не скрывая, что её основной темой станут мальчишки, сбежавшие ко мне за последние пару месяцев. Видимо, достопочтимый директор считал, что может потребовать их, словно игрушки, назад, и я ему позволю забрать детей. В таком случае Крис насчёт него всё же обманывался, и управляющий приютом далеко не настолько умён. Он откровенно намекал на свои подозрения по поводу моей причастности к исчезновениям детей, полагая, что сможет, если не напугать меня, то насторожить однозначно. На что я предложил ему в ответ самому спуститься в катакомбы и поискать детей. Правда, так же предупредил, что не располагаю достаточным временем, чтобы сопровождать Арленса, а многие из жителей подземелья сочтут за честь прикончить и обобрать до нижнего белья неплохого одетого господина, вроде него. Как я и ожидал, мистер директор благоразумно отказался, не забыв неприязненно сверкнуть глазами на прощание.

А вообще вырисовывалась удручающая картина, и я пока не мог поймать начавшую отчаянно стучать в голове мысль за хвост так, чтобы развернуть её полностью, чтобы изучить её как следует, понять, что именно мне не давало покоя. Почему дети бежали из приютов, я знал, как никто другой. Впрочем, как и то, что есть семьи, в которые лучше не попадать никогда, оставаясь в казённом учреждении до совершеннолетия. Всё зависит, что задумала эта прохвостка-судьба в отношении конкретного человека. Эта дрянь любила иногда потешаться самыми беспощадными, самыми невероятными образами даже над детьми. Особенно над детьми. Несправедливая тварь. Впрочем, если им хватало сил пережить все её издевательства, то на выходе получались люди сильные, достойные...или же последние ублюдки с необратимыми нарушениями психики и полностью размытыми понятиями добра и зла, типа меня.

Но почему всё же дети бежали из приюта Арленса, который, по словам Криса, делал всё возможное, чтобы привести детдом в надлежащее состояние, делал куда больше всех своих предшественников вместе взятых, я пока не понимал. Что их пугало там? Или всё же что манило здесь, по эту сторону забора из металлических прутьев, опоясывавшего здание приюта?

Ещё один разговор с детьми ничего не дал, да и происходил он тайно, потому что с некоторых пор были усилены меры безопасности в учреждении, которые состояли в найме на работу ещё одного толстого охранника, ленившегося лишний раз поднять зад и сделать обход по периметру. Ага.

Что я понял точно: очень сложно составить наиболее узкий круг подозреваемых, когда проходимость народа через приют довольно высока. Ставшие модными акции журналистов, работающих для очередной статьи, политиков перед выборами, различных благотворителей и предпринимателей, использующих подобные мероприятия для повышения деловой репутации и привлечения общественного интереса, а также инвесторов, к своему бизнесу, не позволяли сделать это. К тому же заинтересованные в усыновлении пары так же вызывали ряд вопросов, один из которых: кто из этих улыбчивых, расточающих правильные, отретпетированные перед зеркалом слова мог являться тем самым садистом-педофилом?

Но всё же образ убийцы никак не вязался со всеми этими масками, которые надевал на себя каждый, кто входил в подобные места. Кто, мать вашу, мог одновременно и без вызова подозрений играть две, а то и три роли: благотворителя, друга мальчишек и жестокого убийцы-некрофила?

Я только приехал из дома Криса и успел переодеться с поезда, когда увидел у себя на столе записку от Розы.

«Если в твоих планах увидеть её живой, то у тебя осталось слишком мало времени для этого, так как я не вижу смысла больше мучить свои старые кости понапрасну и спускаться в этот проклятый подвал. Она всё равно ничего не ест. Теперь это твоя проблема, мой дорогой мальчик.»

Вот же упрямая женщина! У меня были планы на неё. У меня была на неё целая куча планов, и в каждом из них Ева Арнольд была более чем живой и активной. И я бы приступил к их выполнению сразу после того, как она оказалась у меня, если бы не необходимость играть. Перед полицией, перед её отцом, перед партнёрами. Если бы не необходимость подготовить своеобразный запас времени, который мы непременно проведём с интересом. И удовольствием. Обязательно с удовольствием. Как бы она ни сопротивлялась поначалу. А моя упёртая девочка будет. Я был в этом уверен. Как и в том, что меня ожидал далеко не тёплый приём соскучившейся женщины. Впрочем, мне было плевать. Я уже устал довольствоваться теми крохами, которые получал до этого. Теперь я хотел её всю. И без остатка. И пусть это будет стоить мне долгой борьбы. Я впервые именно с ней понял, что можно изголодаться по женщине, которой ты никогда не обладал. По женщине, которая тебе ещё не принадлежала полностью. Бред. Как по блюду, которого ты ещё не пробовал, но уже подышал без его вкуса. И именно так оно и ощущалось при мысли о ней.

Это была далеко не первая записка от Роуз. Старушка, несмотря на внешнюю сухость и безразличие к чужакам, всё же отличалась добрым сердцем. Правда, только к тем, кто сумеет затронуть его хоть немного. Видимо, Еве это удалось. Иначе как объяснить тот факт, что Розы, которой с трудом давалось письмо в силу неграмотности и после перелома сразу трёх пальцев правой руки, всё же нацарапала несколько бумажек с короткими, но важными фразами, типа «Еду выкинула». Или, например, «Теряет сознание от голода»?

Она недовольно ворчала, что я зря ломаю «девчонку», и потом сильно пожалею, если мне это удастся. А я игнорировал её замечания, предвкушая, насколько сладко будет собирать те самые осколки наслаждения своей женщиной. Да, дьявол! Это чистое безумие, но ощущение того, что она моя и принадлежит мне одному, с каждым днём становилось лишь сильнее. И дело не в том, что сейчас она была прикована цепями к подвалу глубоко под землёй в моих катакомбах, в месте, о котором знали только два человека. Ни хрена. Её принадлежность обозначалась другой цепью. В десятки раз толще и тяжелее, на концах которой были острые зубья, которыми вцепилась в моё горло одержимость этой женщиной. Я пока понятия не имел, ослабит ли она хватку или, может, полностью отпустит хватку, когда я, наконец, овладею Евой в самом прямом смысле этого слова...но пока она меня вела. Это самое безумие по ней. Оно намертво вцепилось в её запястья, не позволяя отпустить, и одновременно всё сильнее сжимало моё горло, требуя взять то, что принадлежит мне по праву.

И, да, я разозлился, увидев, с каким упорством эта упрямая дурочка противостоит Роуз, видя в ней часть меня, часть своего врага. Старуха была права: Ева очень ослабла. Ещё больше, чем после моего последнего визита. Но и прийти к ней с пустыми руками я не мог. Хотя бы толику информации, той, которую также копал всё это время, иначе её сопротивление будет особенно жёстким. Не то, чтобы оно пугало...скорее, вызывало интерес и ещё большее предвкушение. Но в этом ведь была вся Ева Арнольд. В том, что её сейчас, и я был уверен в этом, беспокоило расследование куда больше, чем собственная безопасность. Расследование, застопорившееся с её похищением.

Смотреть на неё, и всё же ощущать, как сжимается в груди сердце при взгляде на то, как она изменилась. Словно сама её кожа истончилась, и сквозь неё просвечивали голубоватые

вены. Спутанные тёмные волосы создавали яркий контраст с побледневшей кожей и большими синими глазами, под которыми залегли тёмные круги. И тем не менее эта женщина по-прежнему не вызывала жалости. Даже сидящая на коленях на подстеленном пальто, даже терявшая, казалось, последние силы в своей борьбе, она вызывала ярость, да. Потому что не хотела уступать и упорно шла в самое логово зверя, зная, что заигрывания с ним могут стоить ей жизни... но именно этим и восхищала одновременно. Моя сильная, такая сильная духом девочка. Как же вкусно будет получать тебя. Шаг за шагом. Если мне хватит терпения дозировать своё безумие тобой и не поглотить целиком и сразу.

Невольно затрепетать в предвкушении борьбы и одновременно от звуков её тихого голоса, источавшего самую настоящую злость:

– Я продержусь максимально долго, чтобы успеть насладиться твоим поражением, Дарк. Обещаю.

И в синих глазах так знакомо и так ожидаемо вспыхнули мои любимые молнии ярости.

Я ведь ждала его. Ждала с первой секунды, как очнулась в этом тёмном подвале... подземелье, чем бы ни было это проклятое место, в которое заточил меня именно он. Я ждала, взывая к нему мысленно и передавая свои угрозы через его помощницу... а сейчас растерялась на какое-то мгновение. Увидев его так близко. Увидев его сошедшиеся над переносицей брови и потемневший взгляд. Тусклый свет факела, прибитого на стене прямо над его головой, позволял смотреть в его лицо, на котором зловеще плясали тени от огня, а мне казалось, это не пламя... это черти, спустившиеся в самую Преисподнюю, готовы вырваться из своего заточения и разорвать меня на части. Особенно когда он перевёл взгляд на пол и увидел полные тарелки еды передо мной.

Да, я растерялась... на мгновение, потому что ждать оказалось гораздо легче, чем вдруг осознать, что должна прямо сейчас, в короткие секунды решить, как мне вести себя с ним. Закованной в кандалы, привязанной цепью... как мне вести себя с ублюдком, возомнившим себя Богом... если я хочу остаться живой и одновременно выцарапать его чёрные глаза, которые предупредительно сверкнули, когда я вздёрнула вверх подбородок, глядя прямо в них.

Ничего не ответил, медленно подошёл, ступая тихо, так, что мне показалось, моё сердцебиение заглушало звук его шагов. Слишком громко, слишком быстро, и ощущение, что он тоже может слышать, как рвётся из груди сердце, увидеть, как потряхивает меня от мощнейшей дозы адреналина, которая взорвалась в крови, как только он приблизился настолько, что я почувствовала аромат парфюма, терпкий, смешанный с запахом мужского тела. А мне захотелось вдруг сжаться от сосредоточенного тяжелого взгляда, которым рассматривает бесцеремонно, внимательно. Захотелось чисто по-женски выпрямить спину, пригладить волосы, скрыть все недостатки, которые не мог не увидеть сейчас. И тут же злость на себя накатила. Правильная, лютая. С напоминанием самой себе о том, что он не просто мужчина, который ещё недавно будоражил одним своим присутствием. Натан Дарк – подонок, вероломно закрывший меня в своих катакомбах, и одному только Богу... или даже тем самым бесам из его большого подсознания известно, что он задумал ещё... каким образом решил избавиться от меня.

– Ты ведь понимаешь, что тебе это даром не пройдёт?

И тут же всё же сжаться от мурашек, пробежавших по самому позвоночнику, когда он как-то зловеще ухмыльнулся. Знает. Ещё как знает... а значит, не отпустит. Такие, как он, привыкли выживать в любых условиях и любой ценой. Впрочем, я не обольщалась ни на его, ни на свой счёт.

Протянул руку, чтобы коснуться её волос, упавших на лицо и скрывших от меня её взгляд, когда Ева дёрнула головой. Но она тут же отвернулась, и сквозь тёмные пряди блеснуло ярко-синим презрение, подобно холодному льду, сверкающему на солнце.

– Ты продержишься достаточно долго, чтобы вместе со мной разделить наслаждение, – шагнул к ней так близко, что ощутил, как она напряглась. Не увидел, а ощутил, кожей, будто воздух между нами, тонкое пространство, разделявшее наши тела, наэлектризовалось так, что дало нехилым разрядом по коже.

– Наслаждение от моей победы, маленькая.

Она вздрогнула, отстраняясь назад и упираясь спиной в стену, но лишь ещё выше задрала подбородок и нахально усмехнулась, а я едва сдержал улыбку, чтобы не разозлить её ещё больше. Чтобы не отдалить ещё дальше. Смешная. Находится в моей полной власти и, тем не менее, намерена оказывать самое яростное сопротивление.

– Знаешь, твоя привычная самоуверенность становится слишком предсказуемой и скучной.

И отбросить куда подальше желание впитаться в этот дерзкий изгиб губ, которые судорожно облизнула, выпрямляясь ещё больше, вставая на носочки, словно стараясь быть одного роста со мной. Сама слабая, истощённая...но при этом по-прежнему не вызывает ни капли жалости, только необходимость перебороть это грёбаное сопротивление и прижать к себе.

– Мисс Арнольд заскучала здесь? Как там у древних римлян было? Хлеба и зрелищ?

Потянулся к её правой руке и успел перехватить тревожный взгляд, который бросила на мою ладонь.

Сделал слишком резкое движение, и я невольно отшатнулась, несмотря на то, что сзади меня была стена.

– О, ты предусмотрительно позаботился и о том, и о другом, король бездомных.

Мне определённо нравится его реакция на эти слова. Мне нравится, как замирают его пальцы, нервно дёргающие металл, и сужаются глаза. И когда, наконец, освободил одну руку, я облегчённо выдохнула, чтобы прямо как он только что, замереть, потому что Дарк вдруг начал растирать моё запястье. Хмурится, глядя на широкий след от железного кольца, и осторожно дотрагиваясь кончиками пальцев кожи. Нежно и в то же время обжигая каждым невесомым касанием. На мгновение заставляя оцепенеть и жадно впитывать его, вот этот жар от длинных мужских пальцев, который проникает под самую кожу. А ведь я придумала тысячу и один вариант того, как вцеплюсь ногтями в его наглое лицо...и ни одного, в котором буду застывать полной идиоткой, только потому что этот бессердечный подонок с невыносимой нежностью будет гладить мои руки, словно безмолвно сожалея о синяках на них.

Вырвала свою руку из его ладони и прижала к груди.

– Чего ты хочешь, Дарк? Что всё это значит? Какого чёрта ты меня запер тут как цепную собаку?

Поморщился и отвернулся, оставив одну руку прикованной, а я почувствовала, как гнев опалил изнутри вены от понимания, что этот ненормальный может снова оставить меня здесь и уйти. Сделала шаг вслед за ним, чёрта с два я отпущу тебя сейчас!

– Только попробуй уйти, Дарк...

Остановился, не поворачиваясь:

– И что ты мне сделаешь?

Затем звук лёгкой усмешки, и он наклоняется к одной из тарелок, берёт её и разворачивается ко мне лицом.

– Нет ни одного человека, который заставил бы меня сейчас уйти отсюда, Ева, – слишком мягко произнёс моё имя, так, что я нерешительно отступила назад, – Что такое? Моя грозная госпожа следователь испугалась вновь остаться одна?

– Мы оба знаем, что остаться наедине с тобой, намного опаснее, так ведь?

– Так, – встал слишком близко, почти вплотную ко мне, – и никогда не забывай об этом, моя девочка.

– А ты никогда не смей называть меня так!

И снова выставила вперёд свой упрямый подбородок, а я не смог сдержать естественного инстинкта, резко наклонившись, укусить его и тут же отстраниться, и успеть перехватить тонкую руку, взметнувшуюся вверх, чтобы вклепить мне оплеуху.

– Кем ты себя возомнил, ублюдок? Вершитель чужих судеб?

В её глазах не просто огонь, в них полыхает чистейшая ярость. С такой смотрит тигрица на любого хищника, посмеявшегося зайти на её территорию. С тем самым предупреждением... нет, обещанием разорвать в клочья, если только он сделает следующий шаг. Впрочем, то же самое его ждёт и в случае побега. Стоит только показать ей спину... Даже если эта тигрица посажена на самую крепкую цепь, ей нельзя показывать ни свою слабость, ни долбаную зависимость от её присутствия рядом.

– Как насчёт трапезы, Ева?

Теперь уже она сделала шаг вперёд, оказавшись почти вплотную рядом. Резкий взмах рукой, и я каким-то чудом успеваю поднять тарелку выше, не позволяя опрокинуть еду.

– Какая к бесу трапеза? Ты в своём уме, Дарк? Какого чёрта здесь происходит? Кто ты такой, чтобы похищать людей и держать их в заточении?

– Я отвечу на каждый твой вопрос, – склонившись так, что вижу, как пульсирует синяя жилка сбоку на её лбу, – но только после того, как ты поешь.

– Катись к дьяволу, Дарк! Я не притронусь к этой чёртовой тарелке, даже если ты приставишь пистолет к моему виску!

Вашу мать! Да, я знал, что эта ведьма, скорее, выпьет всю мою кровь, и при этом ещё и будет причмокивать от удовольствия, чем прислушается ко мне и покорно опустошит посуду с едой.

– Ты не просто притронешься к этой чёртовой тарелке, Ева, ты съешь всё, что в ней, если не хочешь остаться снова одна.

– С каких пор тебя волнуют мои желания? Хочешь уйти – уходи. И свою помощницу с собой заведи.

Не смог сдержать улыбки, глядя на взметнувшийся на короткий миг проблеск страха в синих глазах, но моя девочка всё же находит в себе силы или же безрассудство потушить его и смотреть всё с тем же отчаянием.

– Брось, мисс Арнольд, хочешь, чтобы я разочаровался в тебе? Чтобы поверил, что такая сильная женщина, как ты, может сдаться? В угоду чему? Собственной гордости? Скорее, глупости, ведь так?

– Да мне плевать, разочаруешься ты или нет. Ты слишком много о себе возомнил, если считаешь, что мнение такого убого ничтожества, как ты, имеет значение для меня.

Я напряглась, увидев, как зажётся яростью чёрный взгляд. Такой же тёмной, беспросветной яростью. Да, Натан Дарк, примерно то же самое я испытываю к тебе сейчас. И тем не менее облегчённо выдохнуть, когда он отвёл глаза, словно заставляя себя успокоиться... и закричать, когда сильно дёрнул меня за волосы к себе и прошипел почти в самые губы:

– В таком случае никогда не забывай, что для такого убого ничтожества, как я, ничего не стоит свернуть твою тонкую милую шейку благороднейших кровей. И ты либо прямо сейчас съешь эту грёбаную еду, либо я сам запихаю тебе её в рот. Но перед этим грязно отымею тебя во всех позах, которые только подсказывает моё больное ублюдское подсознание.

– Отпусти меня, – тихо, одними губами, дёрнувшись в сторону, несмотря на то, что это больно. Это адски больно, но всё же не настолько, как смотреть в его искажённое злостью побледневшее лицо, видеть, как хищно трепещут крылья носа и сжались в тонкую искривлённую линию губы.

– Что такое, Ева? Удивлена? Разве не подобного ты ожидаешь от такой твари, как я? Включи мозги, девочка, и не разочаровывай меня. Ты сейчас в моей абсолютной власти, и никто не знает, скажу тебе по секрету – даже я, на что я способен, если ты заиграешься.

И вдруг резко отпустил, так, что я ударилась головой о стену, стиснув зубы от боли в затылке.

– Так что выбирает моя госпожа следователь?

Демонстративно посмотрел в сторону проклятой тарелки.

– Катись к дьяволу, Дарк!

– Я только что оттуда, мисс Арнольд. Меня и там не принимают. А может, мне самому покормить тебя?

– Будь ты проклят! Я, скорее, откушу себе язык, чем буду есть из твоей руки.

– Вот и отлично, на твой язык у меня свои планы, – он усмехнулся, словно и не ждал другого ответа, – в таком случае, займись делом, пока я приготовлю для тебя ванную.

Всучил мне эту чёртову тарелку и пошёл к выходу.

– Что ты сделаешь? Дарк, отвечай! Постой.

Взвыла в бессилии, потому что этот негодяй даже с ноги не сбился, исчез в проёме, а вскоре затих и звук его удаляющихся шагов. Ненавижу этого подонка! Ненавижу!

И с такой же ненавистью смотреть в чёртову холодную тарелку с непонятной похлёбкой. Сунул, словно собаке какой-то... но в одном он был прав – мне определённо понадобятся силы для борьбы с ним. Пусть он считает, что выиграл в первом бою, это будет мой задел на победу во всей войне.

Глава 6. Кори. Ева. Натан

– Аккуратнее ты, придурок! – Кори смачно выругался, едва не врезавшись в спину брата, неожиданно вставшего на повороте, ведущем в самый дальний отсек катакомб.

– Кому вообще понадобится тащить ванную сюда и зачем?

– Тссс, тише! – Кори недовольно шикнул на Энди, никогда не отличавшегося тихим голосом. Вот и сейчас его недовольный вопрос прозвучал слишком громко, а надоедливое эхо разнесло его, наверное, по всей территории.

– Не твоего ума дело. Молча тащи, давай, осталась пара метров.

Кори ещё раз предупредительно сверкнул глазами на отвернувшегося от него и обиженно запыхтевшего брата. Впрочем, хвала Богу, тот всё же заткнулся и больше не произнёс ни слова. Энди не мог знать, что приказ принести огромную деревянную бадью поступил от самого Натана Дарка, так как, несмотря на свой возраст, не сильно отличался умом от пятилетнего ребёнка. Подарок, доставшийся от матери-алкоголички, которая всю беременность провела с бутылкой самого дрянного пойла у рта. Парень был невероятно крупным, настолько, что заставлял даже самых искушённых людей застывать каменными изваяниями при встрече с ним. Почти шести футов роста и с грудной клеткой размером едва ли не с поле для регби, Энди внушал невольный страх любому прохожему. Но вот психическое развитие его оставляло желать лучшего. Самый настоящий ребёнок, непосредственный и наивный, обмануть его не стоило труда даже детям, и, если бы не Кори, родившийся на три года позже брата, но при этом обладавший острым и живым умом и так необходимой в мире бездомных хитростью, никто не знает, кем бы мог стать этот великан. Скорее всего, его завербовали бы в одну из криминальных банд, которые сейчас разрастались по всей стране с бешеной силой и с такой же бешеной злобой истребляли друг друга.

– Кори, ну скажи.

Идиот. Шепчет, а шёпот настолько громкий, что едва уши от него не закладывает.

Им повезло, что когда-то на них обратил внимание именно Натан. Появился словно из ниоткуда, когда группа бездомных парней, накинувшись на медведеподобного Энди, всюю протыкала его заточками, оттеснив и удерживая в углу тощего Кори, стянувшего у одного из них шляпу с милостыней. Неброско и в то же время аккуратно и со вкусом одетый молодой парень, ненамного старше самого Энди, разогнал нападавших парой слов, а затем предложил их жертвам приют. Своеобразный, конечно, даже отдалённо не напоминавший ребятам ни старенькую квартирку, из которой их с проклятьями выгнала мать несколько недель назад, ни детский приют, в который их отвозили полицейские совсем недавно, и откуда они сбежали через огромную дыру в заборе. Кори думал, что и отсюда сбегут. Скорее даже, решил для себя. И готовить начал брата заранее к этому. Но вот уже несколько лет как катакомбы стали родным домом, которого никогда у братьев не было. Местом, в которое они хотели возвращаться. И нет, речь совершенно не о каком-то там уюте, о тепле или даже близких людях, которые ждали бы их тут. Не знали ребята этого никогда, не имели и навряд ли когда-либо будут иметь представление об этом самом уюте. Но у них появилось чёткое понимание – вот этот уголок на пятом повороте справа, это их дом. Это место, в которое не зайдёт никто и никогда и не посмеет взять оттуда их скромные пожитки. Под страхом смерти обходить будут. Чувство некой безопасности в месте, в котором его не должно было быть априори. Если бы не тот самый Натан Дарк.

И если кто-то и мог быть более фанатичен в своём отношении к нему, чем эти два брата, то это только старуха Розы, с которой того, судя по всему, связывало какое-то прошлое.

Энди шумно опустил огромную бадью на пол и, прислонившись к стене, громко выдохнул и отёр тыльной стороной ладони пот со лба.

– Вниз тащить?

Буркнул, носком изношенного ботинка отшвыривая в стороны мусор и тряпьё и пытаясь нащупать хорошо замаскированную дыру в земле.

– Ага. Шевелись давай.

Брат нервно сглотнул и едва заметно поёжился, и чтобы успокоить его, Кори достал из кармана самокрутку и протянул ему.

Вспомнил напряжённые глаза Дарка, велевшего взять привезённую им ванную и спустить её в самое подземелье. Место, о котором знали буквально несколько человек. Кори сам о нём узнал, только когда туда Энди запрятали на сутки. Иногда им приходилось так делать. Когда у брата срывало крышу, и вся его наивность, обруганная, грязно использованная и никем не принятая, начинала трансформироваться в самую ярую жестокость. Когда казалось, что ему ничего не стоит разорвать своими огромными ручищами обидчика. Не стоит не физически, а морально. Тому самому пареньку, который мог по-детски заплакать, увидев безногого котёнка.

Тогда они обезвредили его с Дарком ударом дубины по голове, и, обвязав всего цепями, оставили в этом подвале. Наказание, которого Энди теперь боялся как огня. И поэтому смотрел с неприязнью на свои же ноги, нехотя отодвигавшие в сторону прикрывавшие вход в то самое подземелье обломки строительного мусора и ветошь.

– Может, ты сам?

Энди кивнул на ванную, и Кори вздёрнул бровь и покачал головой.

– Он сказал, чтобы ты тащил.

Неопровержимое, кстати, требование для его брата. Кого-кого, а Дарка эта глыба мускулов уважала. Или боялась. Хотя, скорее, потому и уважала, что боялась. Они оба видели, на что был способен убудок в ярости, но и это не шло ни в какое сравнение с тем, что мог делать их некоронованный король, пребывая в состоянии хладнокровного спокойствия. Как мог приговорить одним взглядом на смерть и сам же привести в исполнение этого приговор. Так что Кори знал: больше, чем проклятого адского места под катакомбами, его старший брат боялся Натана Дарка. Впрочем, наверное, как каждый обитатель этих самых катакомб.

Энди тяжело выдохнул, кидая на землю бычок, и потянулся к бадье.

– Что бы ты там ни увидел, не произносишь ни звука. Понял? Вообще, старайся не смотреть по сторонам.

– Кор, пошли со мной, а? – жалобно протянул брат, и Кори кивнул.

– Иди. Нам ещё с тобой работать сегодня.

Темноту подвала освещал одинокий факел, висевший прямо у входа, и Кори спрятал приготовленные заранее спички в карман. Подумал о том, какой предусмотрительный сукин сын этот Натан Дарк. Энди ненавидел темноту, как ненавидит её любой пятилетний ребёнок, до того, что, если этому здоровяку нужно было ночью сходить по нужде в туалет, то Кори плёлся за ним, сонно переругиваясь и кляня всех демонов Ада самыми отборными выражениями.

А затем он вдруг услышал шорох откуда-то сбоку и затаился, быстро посмотрев на замершего посреди небольшой «комнатки» Энди. Глаза брата округлились, а голова наклонилась вбок, будто он рассматривал что-то или кого-то.

– Кори...

Встревоженно. Скорее даже, испуганно, и парень быстрым движением достал из кармана складной нож и шагнул к брату, чтобы застыть, точно как он, глядя на прикованную цепью к стене женщину. Её тёмные волосы прикрывали часть лица, да и тусклый свет не позволял увидеть его черты, но Кори словно инстинктивно понял – чужая. Не из своих. Не из бездомных. Как понял? А хрен его знает. Только толкнул локтем брата в живот, чтобы тот перестал глазеть и ванную расположил правильно, а сам быстро отвернулся.

– Эй, вы... помогите мне.

Произношение правильное, словно поставленное. Так нищенки не разговаривают. А ещё они так не стоят. Вот откуда это ощущение. Ведь и одежда на ней далеко не новая и не чистая, и волосы спутанные, и тарелки возле ног лежат грязные... а стоит так, словно королева какая-то. Спина прямая, будто между лопаток палка вставлена, и голову держит по-особенному. Кори даже объяснить не смог бы, как. Он таких видел только мельком или издали. К ним не подберёшься близко, будучи бездомным. Выпорхнули из автомобиля, и бегом в свои шикарные дома, оставляя подобны х Кори и его брату следить за ними взглядом.

Вот и на эту смотреть нельзя. Вроде бы и приказа прямого не было, но Кори подсознательно чувствовал – нельзя. Золотое правило, которого он придерживался всегда и неукоснительно: меньше знаешь-крепче спишь.

– Кори, это кто?

Энди придвинулся ближе, и брат злобно прошипел, чтобы тот вышел отсюда.

– Стойте!

Тихо и взволнованно, будто боится, что они сейчас уйдут... а они уйдут, потому что Кори был не таким идиотом, чтобы наживать себе проблемы с Дарком.

– Отыщите следователя Люка Томпсона. Скажите, что нашли Еву, и вы не пожалеете, – девушка дёрнулась к ним, так неожиданно и резко оказавшись совсем близко к Кори, что тот даже вздрогнул и отступил назад, – Кори, Люк Томпсон.

На какой-то миг он сжался, пытаясь лихорадочно понять, откуда пленнице известно его имя, пока не осенило – Энди!

– Слышишь? – смотрит в его глаза такими необычными, синими глазами, и парню кажется, что в них отчаяние то вспыхивает, то потухает, чтобы разгореться с новой силой, – Любое вознаграждение, которое только вы захотите.

Её глаза...они зачаровывают, гипнотизируют, и Кори судорожно пытается сбросить с себя этот ступор.

– Или же самая жестокая кара, – мужской голос, заставивший замереть незнакомку и, наоборот, выйти из оцепенения его самого.

Отвернувшись так быстро, как мог, потянул за руку с собой Энди и подошёл к державшему ведро с водой Натану, который перевёл удовлетворённый взгляд с тарелок, стоявших на полу, на женщину. Теперь она стояла вполборота к ним, и, судя по её лицу, вполне могла бы испепелить гневным взором Дарка.

– Напрасная трата времени, милая. Вода стынет.

Дарк отступил в сторону, пропуская их. Кори удержался от того, чтобы не оглянуться на пленницу с невероятными синими глазами. Натан был прав. Ни он, ни Энди, ни любой другой обитатель этих катакомб никогда не решится пойти против своего главаря, что бы им ни обещали. Потому что в их мире вознаграждения, как и кары, раздавал только он.

А девчонку ему вдруг стало жалко. Ничего. Сейчас они с Энди натаскают ещё воды, а после выйдут на дело, и, может, удастся стянуть достаточно, чтобы ещё на пиво хватило. В нужном количестве оно замечательно выбивает все благородные чувства даже у такого дерьма, как он.

– И что это за представление ты устроил?

Она стояла, сложив руки на груди и глядя на меня с тем самым своим, презрительно-высокомерным выражением лица, с которым смотрела в первые дни нашего знакомства. Ни слова не произнесла, пока я раскладывал все баночки на полу рядом с ванной, пока здоровяк Энди катил сверху огромную металлическую бочку с горячей водой, старательно опуская голову и не смотря в её сторону.

– Я попросил добавить в шампунь немного корицы для тебя.

Это уже дождавшись, когда парень оставит нас наедине.

– Дарк, – громкий лязг цепи, раздавшийся сзади, дал понять, что Ева шагнула вперёд, – я задала тебе вопрос. Что ты тут устроил?

– Конечно, я мог бы отвести тебя к себе домой, благо, он находится не так далеко от катакомб, – она прищурилась, её нервные пальцы сжались на остром локте, – но я решил соблюсти все приличия. Мы всё же не настолько близко знакомы, чтобы ты принимала ванну в моих апартаментах, мисс Арнольд.

– Какая. К чёрту. Ванна?! Ты в своём уме?

Процедила сквозь зубы, выругавшись тут же, когда цепь не позволила ей подойти ещё ближе.

– Послушай, Дарк..., – по-прежнему сцепив зубы так, что кажется, я слышу, скрип ей тихой ярости, готовой взорваться оглушительным громом.

– С удовольствием послушаю, – шагнул ей навстречу, чувствуя, как начинает дрожать каждый мускул тела в предвкушении, – но только после водных процедур, моя дорогая.

Схватил её за руку и, вытащив из кармана ключ от оков, освободил запястье и притянул Еву к себе, чтобы едва не обжечься жаром её тела, проступавшим сквозь тонкую ткань платья. В синем взоре вспыхнули отсветы страха, она судорожно слотнула и попыталась отступить назад.

– Отпусти меня, идиот! – выставила локти вперёд, отталкивая меня, – Я не буду купаться тут, я не буду участвовать в твоих больных играх! Чего ты хочешь, Дарк? Чего ты добиваешься этими поступками? Ты ведь далеко не дурак, – она шипит, всё пытаясь высвободиться из моих рук, – ты знаешь, что тебя ждёт за моё похищение? Или ты считаешь себя настолько неприкосновенным? Тогда кто стоит за твоей спиной? Кто даёт тебе эту грёбаную уверенность, что можно выкрасть человека и запереть его в неволе?

– Ты получишь ответы на все свои вопросы, Ева – впился пальцами в её спину с такой силой, что она охнула и замерла, – но только после ванны.

– А потом что? Снова закуёшь меня и оставишь здесь?

Она даже не понимает, насколько она сексуальна, когда шепчет вот так, торопливо, тихо, когда неосознанно быстрым движением проводит языком по своим губам, а у меня молниеносно до боли начинает сводить скулы от возбуждения.

– А потом будет твоя очередь отвечать на мои вопросы.

– И?

– И только после этого я решу, что с тобой делать.

От неожиданности зашипеть, когда эта чертовка вдруг дёрнулась вперед и вцепилась в мои губы укусом. Болезненным, озлобленным, обезоруживающим укусом до крови.

– Кто ты такой? – отстранившись и смотря с яростью и злорадным удовольствием на кровь, стекающую с моей губы, – Кто ты такой, чтобы решать за других, – длинные ногти вонзились в мои предплечья, острые настолько, что, кажется, могли вспороть сквозь рубашку вены, – решать за меня мою судьбу? Грязный ублюдок!

И ответной волной моя собственная ярость. Неожиданная и в то же время такая привычная с этой женщиной. Ярость, заглушённая пониманием её страха, её истощённости... и вернувшимся нежеланием раньше времени ломать её, раньше времени дойти до финишной черты, пропустив самые сложные, самые вкусные и интересные этапы игры.

– Теперь я и только я решаю твою судьбу. Если тебе так легче, Ева, – склонился к ней, усмехнувшись, когда капля крови упала её на губу, – то теперь я и есть твоя судьба.

Большим пальцем растёр кровь по нижней губе и тут же оттолкнул её от себя.

– Или ты лезешь в воду добровольно, или я кидаю тебя туда сам. Ты в любом случае сегодня искупаешься, Ева. От тебя зависит только, как это произойдёт.

Она нахмурилась и отвернулась к бадье, замолчав, словно раздумывая.

– В таком случае уходи.

И снова приказные нотки в голосе, за которые хочется прямо в этом чертовом платье кинуть её в воду и смотреть, как растворяется эта заносчивость в ней, как исчезает бесследно подобно грязи.

– Ты не поняла, девочка. Я останусь здесь.

Обернулась назад так резко, что волосы взметнулись вокруг её лица и упали тёмным облаком на плечи.

– Что? Ты не посмеешь!

– Выбор, Ева. Время идёт. Ты же умная малышка. Ты понимаешь, что всё равно будет по-моему. И если я сказал, что ты будешь купаться при мне...

И едва не прикусить собственный язык, когда она застыла, а уже через мгновение она вдруг расслабилась, и тонкие пальцы уверенно дёрнули пуговицы её платья.

Глава 7. Ева. Натан

Это ничего не изменило бы. Ни один из тех вариантов, пронёсшихся в голове за считанные секунды после того, как прозвучало нахальное предложение от Дарка. Протянутое издевательским, высокомерным тоном, вызывавшим одно-единственное желание: вцепиться в довольное лицо мерзавца и...но вот это самое «и» останавливало. Понимание, что никакого «и» на самом деле не будет. Пока здесь он. Пока здесь я. И пока я не получу хотя бы мизерный шанс выйти из этой каменной ямы на поверхность. Каким угодно способом. Оценивая здраво свои шансы, я не могла сделать это при нём сейчас. И он был прав ещё в одном: мне нужна была эта ванна, нужно была новая одежда, которую он сложил на тот самый одинокий стул. Мне нужно было поесть, чтобы не просто продержаться до того времени, пока меня найдут, но и суметь самой сбежать из этого места. Притвориться. Не так ведь сложно на самом деле для той, кто притворялась всю жизнь. Сначала – примерной и любимой дочерью, затем – любящей и счастливой женщиной. Ирония судьбы – ненавидеть ложь и всё же понять, что лгала всю жизнь. Родителям, знакомым, друзьям, мужчинам, себе. Сейчас, по крайней мере, моя ложь была бы наиболее оправданна.

Его глаза...в них вновь блеснуло нечто яркое, нечто настолько яркое, когда я начала растёгивать пуговицы трясущимся от волнения пальцами. Не сводя взгляда с его лица, и мне кажется...мне начинает казаться, что его лицо меняется. Это невозможно, и это вызывает страх, потому что я вижу, как искажаются линии губ, как словно заостряются, становятся хищными скулы, как медленно опускаются пушистые чёрные ресницы, слегка прикрывая загоревшиеся блеском глаза, словно Натан хочет скрыть свою реакцию.

– Я всегда предпочитал умных женщин, мисс Арнольд.

Он мягко поднялся на ноги и, спрятав руки за спиной и слегка склонив голову вбок, откровенно следил за моими руками, спускавшими платье с плеч. И этот взгляд...я его не видела, но я ощущала его на себе так, словно он касался им сантиметр за сантиметром обнажавшейся кожи или локонов, медленно опустившихся на плечи. Опасный взгляд. Острый. Подобный взгляду затаившегося зверя, избравшего себе жертву, но предпочитавшего поиграть с ней. Проникает под самую кожу, вызывая мурашки почти суеверного страха от того, насколько осязаемым он стал. Невольно замереть под ним, остановившись, сложив руки на груди так, чтобы удержать платье от падения.

– Если они предпочитали тебя, Дарк, то ты слишком опрометчиво назвал их умными.

Сощурился, а я прикусила губу, чтобы вызвать отрезвляющую боль, чтобы приветствовать её с радостью. Потому что нельзя забываться, нельзя позволять себе расслабляться настолько, чтобы рассматривать его тёмные волосы, спадающие на высокий лоб...чтобы ощущать, как начинает покалывать кончики пальцев от желания откинуть их назад, зарыться в них и почувствовать, какими мягкими они могут быть на ощупь. Потому что я уже расслабилась так один раз, доверилась этому негодяю и оказалась здесь. И поэтому только сопротивляться. Ему и себе. Бить словами, возвращая не столько его, сколько себя, в эту чёртовую реальность в этом чёртовом затхлом подвале.

– Неужели ты настолько критична к самой себе?

Спросил с усмешкой в голосе, и я мысленно чертыхнулась, желая ему провалиться прямо сейчас в Преисподнюю. Не намёк, открытый текст, за который хочется не просто вклеить пощёчину, а свернуть шею.

– Джентльменом тебя точно не назовёшь.

Короткий смешок, и в его глазах так непривычно загорелись озорные огоньки.

– Так меня точно ещё не называли.

Шаг вперёд.

– Но это не значит, что я не могу помочь леди раздеться, – я не поняла, когда он успел приблизиться настолько, что мне вдруг стало не хватать воздуха. Несмотря на то, что между нами всё ещё оставалось расстояние в несколько шагов, мне стало нечем дышать, словно кто-то вдруг резко выкачал весь кислород, оставив дрожать в проклятом вакууме жара его тела.

Всего лишь отступить назад, чтобы сбросить это наваждение, чтобы сохранить дистанцию для разбега мыслей...правильных мыслей, которые затуманиваются, когда на лице Дарка появляется кривая понимающая ухмылка.

– Ты сказал, что ответишь на мои вопросы, – убирая руки и позволяя скользнуть вниз платью...оцепенев, когда усмешка сползла с его губ, и на скулах заиграли желваки. Когда вдруг распахнул глаза, смотря на мою грудь. Говорящий взгляд. Голодный. И самое ужасное – вызывающий ответную, сумасшедшую реакцию...заставляющий налиться грудь болезненной тяжестью, и вспыхнуть невыносимому жару в самом низу живота.

– Я говорил, – он шагнул вперёд, и я затаила дыхание, когда мужская ладонь взметнулась вверх, пальцы пробежались по моей ключице, вызвав мелкую дрожь...чёрт, его глаза, такие тёмные сейчас...беспросветная мгла, и тусклое пламя факела не может выхватить её, осветить хотя бы жалкими всполохами, – я говорил, что отвечу на них после, Ева.

И многозначительное молчание. Не объясняя, что он подразумевает под этим «после». Он не смотрит в мои глаза, нет...он следит за собственными пальцами, танцующими на моей коже, они повторяют линию ключиц и порхают вниз, опускаются к груди, чтобы коснуться, почти невесомо, изощрённо болезненно коснуться сосков и заставить задохнуться от взорвавшегося под кожей восторга. Заставить прикусить язык, чтобы не застонать в голос, когда в ответ на это движение соски вытянулись, требовательно заныли, не желая слушать голос разума.

– Прекрасна, – шепчет так тихо, так греховно тихо, опуская ниже руку, проводит кончиками пальцев по коже над резинкой белья, – ты прекрасна, Евааа...

Выдыхать. Не делая вдохов. Заворожённая, околдованная его хриплым голосом, негромким, утробным. Его застывшим взглядом. Раздевающим, жаждущим. С сотнями мурашек по позвоночнику. И хочется выгнуться, хочется позволить ему больше. Скользнуть пальцем за кромку трусиков. Унять непрекращающуюся дрожь, истому, растекающуюся в низу живота. Яркой вспышкой воспоминание о них. О его пальцах, длинных, сильных, умелых. Воспоминание о быстрых, ритмичных толчках и о собственных громких столах, и желании ощущать их везде на себе. В себе.

Господи...это безумие какое-то. Сковывает тело, превращая его в послушную Дарку игрушку. Унизительно послушную игрушку для короля бездомных. Отшатнулась. Смогла. Стиснув челюсти и впиваясь ногтями в собственную ладонь, чтобы отогнать этот треклятый морок. И ещё один шаг назад, отмечая, как отпускает и его. Как меняется его взгляд, становится другим, становится более сосредоточенным, но лишь после того, как Дарк, закрыв глаза, повёл головой из стороны в сторону.

А затем резко распахнул их, посмотрел прямо в мои глаза и произнёс ледяным тоном:

– Лезь в воду, Ева.

Дьявольская сила. Нечеловеческая. Скольким чертям продала душу эта женщина, чтобы научиться вот так управлять мужчинами? Как дорого заплатила за эту свою колдовскую силу? За умение заставлять в одно мгновение вскипать от дичайшего возбуждения при взгляде на её тело, на её идеальную, бархатную кожу. Её можно касаться вечно. Ласково и осторожно, чтобы не причинить боли, в то же время сцепив в замок зубы, потому что хочется иного. Хочется сминать её грубо, властно, впиваться пальцами в эту нежность, оставлять на ней следы, собственные отметины, хочется испортить её идеальность собой. Запаковать собой так, чтобы за

версту чуяли, кому она принадлежит. Да, чёрт бы её побрал! За то, что властью такой обладает надо мной. За то, что заставляет вспыхивать лютой похотью только от близости к её соблазнительному телу. Как ни одна другая до неё. Словно околдованный, приворожённый придурок. Наверное, самому было бы гораздо легче, если бы я верил в магию и подобную хрень.

Я верил своим глазам. Верил своему нюху, мужскому чутью. Когда ты понимаешь, что она готова. Готова для меня. Сейчас. Даже если, высокомерно вскинув голову, она отступает назад, прерывая моё прикосновение... всего лишь шаг назад, а мне отдаётся резким ударом лезвия. Обрубает топором наш контакт, на долю секунды оставляя в ступоре от непонимания. Потому что она могла говорить что угодно, стараясь задеть, укусить, отравить своим змеиным ядом, я видел, что эту маленькую дрянь потряхивало точно так же, как меня. Я, мать её, чувствовал, как покрывается мурашками её кожа, и проводил по ним пальцами, глядя на приоткрывшийся рот, представляя, как вгрызусь в него губами... а уже через грёбанный миг она словно выливала ледяную воду прямо на мою голову, отступая, демонстрируя всем своим видом отвращение.

Словно сбрасывая свои же ведьмовские чары, возвращая нас обоих к противостоянию.

А я смотрел, как она едва ли не нырнула в ванную, с готовностью скрываясь от моего взгляда под наполненной мыльной пеной водой, и думал о том, что готов позволить ей продолжить эту игру. Ненадолго.

А всё же забавно наблюдать, с каким наслаждением на лице она опустила в воду и вытянула ноги насколько позволяла бадья.

– Блаженство, не правда ли?

Присев возле неё на корточки и рассмеявшись, когда чертовка вскинула кверху подбородок, вздёрнув бровь и даже не глядя на меня.

– Можно подумать, тебя волнует мой комфорт.

– Ты недооцениваешь мою заботу о себе, госпожа следовательно.

Опустил руку в горячую воду, и кожей почувствовал, как Ева напряглась. Значит, всё же следила краем глаза за мной. Выпрямила спину и медленно повернулась ко мне.

– Я уже поняла, что явно недооценила тебя, Дарк. Точнее, твои цели и методы их достижения.

– Я всегда был довольно непредсказуем.

– Это называется эгоизм и самонадеянность.

– У меня ещё со школы была проблема с терминами.

И успеть опустить голову, чтобы не рассмеяться вслух, когда Ева зло прищурилась и поджала губы.

– Надо же... оказывается, благородные леди принимают ванну в трусиках.

– Прекрати, Дарк!

Выкрикнула зло и громко, плеснув руками в воде, из-за чего часть пены попала на мою одежду.

– Прекрати свои идиотские шутки. Свою игру! Хватит изображать из себя того, кем ты не являешься.

Ева резко подалась вперёд, сжав в воздухе ладонь в кулак.

– Чего именно ты хочешь? К чему весь этот маскарад? – обвела рукой вокруг себя.

– А кем, по-твоему, я являюсь, Ева? Насколько хорошо ты меня знаешь, чтобы определить, что из всего этого, – точно так же обвёл рукой подвал, – маскарад и игра, а что правда?

И она вдруг рассмеялась. Злым смехом. Надрывным.

– Я понятия не имею, но ты однозначно, не идиот, – она резко обхватила пальцами мою запястье, когда я зачерпнул ковшом чистую воду из стоявшей на полу бочки, медленно покачала головой, – но ведь и я тоже не дуручка. Мы оба понимаем, что отсюда выхода нет. Не для нас обоих. Почему, Дарк? Чего ты испугался?

– Испугался, значит?

А она вдруг замолчала. Отпустила мою руку и взгляд отвела, а я начал осторожно лить из ковша ей на волосы, стараясь не думать о том, как скатывается вода тонкими ручьями по её лбу вниз, как висают и дрожат на кончике аккуратного носа маленькие прозрачные капли, как они падают на полные слегка приоткрытые влажные губы.

– Когда человек боится, он совершает ошибки, так ведь, Дарк? А ты всё продумал заранее. – смотрит прямо перед собой, застывшая, словно только что не она кричала, – Зная, чем вся эта ситуация обернётся в итоге. Зная, что после этого мы не сможем просто выйти, взявшись за руки, на поверхность и отправиться каждый по своим делам. После этого либо ты в тюрьму, либо ты меня. . . Так что это не совсем страх. Или точнее, – улыбнулась сухо, переводя взгляд на меня, – страх не за себя. За брата. Ты молчишь. Почему? Я права, так?

Пожал плечами, зарываясь в её волосы пальцами и осторожно массируя голову.

– Может, мне нравится слушать твой голос.

И снова тихий слегка хриплый смех.

– Перестань морочить мне голову, Натан. Это уже не работает. Ты ударил меня, а затем я оказалась здесь, – и ни капли обвинения в голосе, а меня это настораживает, потому что вот это спокойствие, с которым говорит, просто констатирует факт, раздражает, потому что кажется, лучше, если будет срываться, психовать, истерить, а не вот так. . . когда кидает из крайности в крайность, и чем дальше, тем лучше ей удастся сдерживать себя, – сразу после того, как я сказала тебе про Дэй. После того, – на этот раз плечами пожимает уже она, – как предположила, что он может быть замешан в нашем деле.

– Опустит голову, – намыливая длинные тёмные волосы шампунем, пропускает локоны сквозь пальцы.

– Знаешь, что настораживает меня, Дарк? Что ты считаешь это всё нормальным. Держать человека в плену. На привязи, кормить его с пола, купать его, заставлять дрожать от страха. Что ты считаешь возможным распоряжаться жизнью другого человека! Так же, как распоряжаешься жизнью всех твоих бездомных, как распорядился жизнью Кевина!

– Госпожа Арнольд чего-то боится? Женщина, которая скрывала угрозы от убийцы и бесстрашно рыскала в его поисках даже в домах самых настоящих психов, наконец, чего-то испугалась?

– Люди со справками на самом деле менее опасны, чем те, чьих демонов ещё не выявили врачи. И всё же, – она снова резко подалась вперёд. . . и я судорожно сглотнул, когда от этого движения приоткрылась одна грудь. Когда увидел блестящий от влаги вытянутый сосок, которого до трясушки в пальцах захотелось дотронуться, сжать и посмотреть на её реакцию, – к чему такой риск, Натан? Что именно ты скрываешь вместе со своим братом? Это защита его или вас обоих?

– Защита? Разве ты не поняла, что Дэй не нуждается в ней, как и я?

– Потому что сам несёт в себе опасность для других, не так ли?

– Ева. . .

– Тогда заставь меня поверить, что Кристофер не замешан в этом деле, что все те тонкие ниточки, которые ведут к нему, всего лишь случайность или моя фантазия.

– А зачем? – улыбнулся, а она вдруг сжалась как от холода, – Зачем мне переубеждать тебя, Ева? Я просто захотел тебя. Ничего более.

Непробиваемая стена. И можно в неё долбиться сколько угодно – она не рухнет. Он закрыт настолько, что не слышит моих вопросов. Точнее, предпочитает не замечать их, отвечая только на те, которые считает нужным. И только таким образом, чтобы смутить, чтобы привести в растерянность или разозлить. И его глаза. В них снова тот самый похотливый блеск. Языки пламени. Заметались, заплясали, изменился взгляд, став тяжёлым. Инстинктивно прикрыла грудь рукой, стараясь не думать о том, почему даже сейчас, после всего, меня кидает в жар от этого взгляда, почему приливает кровь к щекам и сердце стучит как бешеное от этой близости к нему.

– Ты обещал мне ответы, Дарк. И только поэтому я здесь.

И тихий смешок, который он прикрывает кулаком, и тут же придвигается ближе, чтобы смыть шампунь. Делает это настолько сосредоточенно и серьёзно, что на какой-то момент я застыла, невольно любуясь тем, как напрягается его рука, как поджаты губы и падают на лоб чёрные волосы. Его лицо... я не знаю, как объяснить себе, но не могу избавиться от ощущения, что ему нравится это. Господи... он на самом деле больной? Иначе почему касается моих мокрых локонов так осторожно, словно они сделаны из хрустала. И я становлюсь такой же больной с ним, потому что приходится впиваться ногтями в собственную ладонь, запрещая себе расслабляться, млеть от его запаха его тела и горячего дыхания, касающегося моего влажного тела, когда он заговорил.

– Девочка сохранила иллюзию выбора, – тихо произнёс, по-прежнему не глядя, теперь уже зарываясь пальцами в мои волосы и нежно, так безумно нежно массируя голову, что я задерживаю дыхание, что замирает сердце, и начинают путаться мысли. Вот сейчас. Всего лишь от тихих... да, мне кажется, что они именно такие, его прикосновения сейчас – тихие, погружающие в безмолвие, разливающие по всему телу странную негу. Она там, под кожей, медленно вьётся паутина блаженства, оплетая сосуды, заставляя вздрогнуть от холода, когда этот контакт вдруг прерывается. Вздрогнуть от осознания, что он ещё никогда вот так не прикасался ко мне. И тут же издевательской мыслью: он никогда и на привязи тебя не держал.

– Всего лишь напоминает тебе об условиях нашей сделки.

– Смелая?

Растирает мочалкой мои плечи, спину, а я кусаю губы, чтобы не сорваться, не закричать, требуя, чтобы убрал свои руки от меня. Свою горячую ладонь, обжигающую до какой-то невыносимо сладкой боли даже в воде.

– Ты ведь не мог оставить дело...

Медленно покачал головой, убирая волосы с шеи и проводя по ней мочалкой, а мне кажется, что касается он не кожи, а под ней, прямо по нервным окончаниям, так мучительно, просто непередаваемо медленно.

– И что ты узнал ещё?

– На самом деле, немного. Я разговаривал с таксистами.

– Мы тоже опрашивали их.

– И ничего не узнали.

Расчёт был в том, чтобы определить хотя бы примерно круг лиц, которые регулярно посещали приют, в котором жил Кевин, так как я предположила, что убийца не стал бы делать это на собственной машине. Примелькаться ему там было незачем. А вот на такси, да ещё и оставаясь на приличном расстоянии от самого комплекса... но допросы мало что нам дали.

– Никто не мог припомнить хотя бы нескольких людей, которые с завидным постоянством бы ездили туда, – и снова эта его ненавистная усмешка, за которую хочется расцарапать ему лицо, – А это значит, что либо наш субъект умён настолько, что запоминает такси, которыми раньше пользовался, либо живёт недалеко от приюта. Ты усмехаешься. Королю бездомных удалось узнать больше?

И краем глаза заметить, как сжимаются пальцы в кулак, чтобы тут же разжаться. Потому что не нравится, что я называю его так.

– Один из таксистов замечал пару раз, как рядом с воротами детдома ошивался какой-то тип. Он подвозил разных клиентов туда, и обратил внимание на высокого мужчину в чёрном плаще.

Сама не поняла, как схватила его за запястье, подаваясь вперёд и удерживая его взгляд.

– Он запомнил его? Описал?

И разочарованно застонала, когда он прищёлкнул языком, отрицательно качая головой.

– Нет, лишь отметил, что тот был весь в чёрном и пытался скрыться за стволом дерева. На его лицо был низко сдвинут капюшон, и даже руки были постоянно в карманах. Парень сказал, у него сложилось ощущение, что он держал в них что-то. По крайней мере, в один момент он подумал, что тот крутил в руке зеркало.

– Дьявол...

– Он самый. Таксист не уверен, но думает, что тот вроде как даже разговаривал с этим зеркалом, держа его на вытянутой руке перед собой.

– Он помнит, когда это было?

– Точной даты – нет, так как часто мотается неподалеку в тот район. Но не так давно.

– Значит, Кевин.

Значит, проклятая тварь выслеживала именно его. И показалось, что Дарк резко опустил голову. Неужели чувство вины? И тут же усмехнуться самой.

– Смеёшься?

Дарк вздёрнул бровь и склонив голову набок, края губ издевательски поползли наверх.

– Над собой, Дарк. Не над тобой. Над тем, что на какой-то миг показалось, что ты можешь испытывать чувство вины. Но не обращай внимания. Это действие пара и многодневный голод так действуют. Но ведь тебе же плевать.

И вновь на смуглых скулах заходили желваки, и нервно дёрнулся кадык. Смотрит так, словно готов разорвать меня голыми руками или утопить в этой же воде.

– Не заигрывайся, маленькая.

Столько злости в этих словах, брошенных как предупреждение. И во взгляде, в котором исчезли даже намёки на похоть, появился блеск иной, хищный.

– Не то, что? На что ты ещё способен, Натан Дарк? Избить? Убить? Что такого жуткого ты можешь сделать мне, от чего я не сходила с ума всё это время?

А потом закричать от неожиданности, когда вдруг наклонился и схватил за шею, прижимая спину к бортику ванной, сжал пальцы с такой силой, что стало невозможно дышать. И страшно. Стало безумно страшно, потому что его лицо исказила судорога ненависти. Не появилась только что, нет. Она была спрятана внутри. За маской, которую он зачем-то натянул на себя, и сейчас сбросил. Прятал за обманчиво спокойным голосом и неторопливыми движениями...но как это возможно вообще? Впилась ногтями в его запястье, и тут же беззвучно застонала от боли, когда он перехватил мою руку и сильно стиснул. Словно два человека в одном, и я понятия не имею, кого на самом деле стоит опасаться, и когда выйдет второй.

– Ты правильно сказала, Ева: отсюда только два выхода. Либо я...либо тоже я. И да, мне плевать. Мне плевать на смерть Кевина, на твои подозрения и на твои идеалы свободы. Почему ты здесь? Потому что я захотел. Только и всего. Захотел тебя и здесь. И нет, это не игра. Для тебя – не игра. Теперь это – твоя жизнь. Нравится она тебе или нет, меня не касается.

Дарк вдруг резко приподнял меня над водой, так, что мои ноги скользнули в ванной, я схватилась за бортики, чтобы хоть как-то удержаться, а он холодно рассмеялся мне в лицо.

– На что ещё я способен? Избивать или убивать – скучно, Ева. Человека можно уничтожать и другими способами, после которых он сам будет молить о смерти.

Глава 8. Натан

С ней весь хвалёный контроль летит в Тартарары. Просто скатывается вниз огромными валунами из ярости и гнева. Они падают тяжело и быстро, с оглушающим грохотом, от которого резонансом дрожит каждый нерв и закладывает уши. Псу под хвост. В самую Преисподнюю. Улетучивается мгновенно, стирая краски реального мира, оставляя в нём силуэты. Грёбанные бесцветные очертания её лица. Всматриваться в них сквозь проступающую в её зрачках ярость, чтобы разглядеть побледневшие щеки с влажными прилипшими волосами. Словно змеи на голове Медузы Горгоны, они выются, опутывая образ Евы, делая ещё ярче, ещё невыносимее её смертоносную красоту. Не выдержал. Зажмурился, чтобы скинуть с себя это наваждение ею. И где-то на самом краю сознания тот самый вопрос. Настойчивый, осточертевший до зубовного скрежета. Вопрос, на который ответа нет и не будет ровно до тех пор, пока я не возьму эту женщину. Моё личное исчадие из самого ада, которое с каждой новой встречей заходит всё дальше, проникает всё глубже в меня. Вопрос о том, когда, наконец, перестанет вызывать такую неистовую злость её нежелание подчиниться. Перестанут ли крутиться в голове тысячами мысли о ней, отравляя разум, вызывая перманентные боли? Я привык к иному. Привык повелевать женщинами, их телами, заставляя их дрожать от возбуждения, от долгой прелюдии или же кричать от боли и удовольствия быстрого секса. Я привык играть на их телах, слушая отчаянные мольбы подарить им освобождение. Но только рассчитывая на взаимный расчёт. Мне нравилось совершенствовать на них свои умения и знания. Как изучать самого себя, проверять грани собственных возможностей, даже если некоторые вещи пугали моих партнёров, причиняли им боль и увечья.

А с Евой... с ней я снова терялся. В ней я снова ощущал себя именно потерянным. Не только контроль. Улетел, и хрен бы с ним! С ней вновь и вновь хотелось иного. Её отзывчивость сводила с ума напрочь, вызывая желание слиться в единое целое. Не доводить до оргазма, отстраняясь и наблюдая со стороны, даже кончив самому, а взорваться вместе, в одном порыве.

Ева распахнула глаза, тёмные зрачки расширились, и я почувствовал под пальцами, как забилося её сердце, забилося учащённо, неровно. Еле слышно, одними губами тихие проклятья. Они отражаются на дне взгляда – её слова, вызывая ответную ярость. Потому что даже сейчас эта сучка сопротивляется. То, чего не было никогда и ни с кем, сколько себя помнил. Свободной рукой обхватил её за затылок и к себе дёрнул. В приоткрытые губы – поцелуем, сильнее вдираясь пальцами в её волосы, под ожесточённое шипение, с которым пытается отбиться, оттолкнуть меня.

– Это не моя жизнь! – она прохрипела, вцепившись похолодевшими пальцами в мои плечи, – это всё – твоя больная фантазия!

– Евааа, – снова притягивая её к себе, чтобы вдохнуть запах её кожи на шее, смешавшийся с ароматом мыла, чтобы почувствовать, как первая же затяжка этим дурманом, сносит крышу...и она, черт возьми, права. Это всё моя фантазия, но в этой фантазии Ева Арнольд – её центр.

– Значит, моя фантазия – твой кошмар наяву...просто смиришься с этим, – сильнее стискивая её горло ладонью, зверея от ощущения власти над ней, над этим роскошным телом, покрытым каплями воды, слыша, как сходит с ума собственное сердце, дёргаясь в грязных, оголтелых от похоти движениях, – или проснись, наконец.

А затем испугаться по-настоящему. Нет, не так. Затем вдруг ощутить, как резко рушится мир. Тот самый, что вокруг нас должен быть. Как он падает под ноги смазанными кадрами, окрашиваясь в цвет жуткого страха. Такого, что не сразу понял, как затряслись ладони от вне-

запной тяжести, и тело онемело. Так бывает, когда мозг инстинктивно воспринимает информацию, но не может проанализировать её, только передавать сигналы тревоги. Резкие. Яркие, режущие глаза сигналы опасности.

Она снова лежала в бадье, теперь уже обнаженная полностью, но с закрытыми глазами, а я смотрел на её склоненную к плечу голову и думал о том, почему её состояние вызвало такую реакцию. Почему вдруг ноги подкосились от мысли, что может не очнуться. Почему, когда не сразу, но всё же осознал, что она дышит, что-то, с силой сжавшее лёгкие железными тисками, отпустило. Позволило вздохнуть, почувствовать, как с шумом срastaются кости грудной клетки, проломанные резким ударом животного ужаса. И в горле драть перестает от него же. И всё так просто. Просто потому что она дышит. Потеряла сознание. Обессиленная несколькими днями голода, страха, ненависти и одиночества. Держать её в руках и продолжать вслушиваться в прерывистое дыхание. Пытаясь определить, кажется мне это, или её сердце по-прежнему бьётся. А затем в режиме быстрой перемотки киноленты собственные действия: опустить её в воду, не давая замерзнуть, ковш, вода, мыло, мочалка. И, стиснув зубы, сдерживаться, не задумываясь о том, что это она...мать вашу, она сейчас в моей полной власти...это её шеи, её груди, живота, ног касаются мои ладони. Торопливыми действиями, стараясь подавить это проклятое возбуждение от прикосновений к ней. Чёртов извращенец...напоминать себе каждые пять секунд, что Ева без сознания...что это самое низкое, что я сделал бы в своей жизни, поддавшись сорвавшимся в бездну вседозволенности грязным мыслям. Эти твари отплясывают свои сатанинские танцы в моей голове, и от ритмичных отрывистых звуков их барабанов у меня начинает шуметь в висках и становится жарко. Безумно жарко, так, что пальцы сами расстёгивают пуговицы рубашки. Постоянное ощущение нехватки воздуха с этой женщиной и такая привычная рядом с ней боль от невидимых ожогов после прикосновения к ее коже. Дьявол, так больше не могло продолжаться!

Я сама не поняла, как это случилось и почему. Сначала появился звон в ушах, резкий, нарастающий. Пока смотрела в его глаза, затянутые гневом и похотью, понимая, что жду его дальнейших действий. Отвечая ему и в то же время чувствуя, как покрывается мурашками тело, и это не от холода, это, дьявол его раздери, не от страха, а от предвкушения. И на мимолётную долю секунды – мысль, что пусть потом я буду жалеть...пусть буду презирать себя и до оскомины на зубах – его, но я хочу ощутить, каково это. Каково стать его по-настоящему. Пусть в этом долбаном подвале. Запертая, лишённая свободы выбора. А затем резкий провал в спасительное небытие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.